

**Дилором Алимова
Валерий Хан**

**ГРАВИТАЦИОННАЯ СИЛА ИСТОРИИ
РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ
И ДИСКУССИЯ ВОКРУГ ПРОБЛЕМЫ**

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Дилором Алимова
Валерий Хан

**ГРАВИТАЦИОННАЯ СИЛА ИСТОРИИ
РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ
НАУКЕ И ДИСКУССИЯ ВОКРУГ
ПРОБЛЕМЫ**

ТАШКЕНТ - 2017
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАВРУЗ»

УДК: 88(18+23)

КВК 87(Рус)

А 40

Алимова Д.А., Хан В.С.

«Гравитационная сила истории. Размышления об исторической науке и дискуссия вокруг проблемы». – Ташкент: Изд. «Наврӯз», 2017, 64 с.

В данной брошюре д.и.н., проф. Дилором Алимовой и к.ф.н., доц. Валерия Хана рассматриваются роль исторического и гуманитарного знания в современном мире, проблемы исторической науки и образования в Узбекистане, а также возможные пути их решения. Публикация была осуществлена впервые на сайте www.gazeta.uz и перепечатана многими интернет СМИ Узбекистана, вызвав широкий резонанс среди историков и обществоведов не только Узбекистана но и представителей ближнего и дальнего зарубежья. Она нашла свое место на сайте МГУ а также на сайте Университета Вашингтон (США), где была помещена в более расширенном варианте. В связи с этим авторы решили издать ее на двух языках, поместив в этой брошюре и дискуссию вокруг проблемы.

Рецензенты:

– Н.Ф. Бугай, д.и.н., профессор. (Россия)

– У.А. Абдурасулов, к.и.н., (Узбекистан)

Ответственный редактор – академик Э. В. Ртвеладзе

*Рекомендовано в печать Ученым Советом
Института истории Академии наук Узбекистана*

ISBN 978-9943-381-41-4

© Алимова Д., Хан В.

© Издательство «Наврӯз», 2017 г.

ОТ РЕДАКТОРА

Необходимость серьезного разговора о том, что происходит в исторической науке и системе исторического образования в нашей стране, назрела давно. Как происходит производство и распространение исторических знаний, к чему мы пришли в деле подготовки исторических кадров в целом? Что собой представляет постсоветская историческая наука Узбекистана? Можно ли говорить о синхронизации ее развития, а также состояния дел в нашей системе исторического образования, с тем, что происходит в мировой практике? Ведь уже прошло, ни много, ни мало, 25 лет с момента обретения независимости. Потребность в таком разговоре обуславливается также новым витком позитивных реформ в нашей стране, что стало предметом пристального внимания со стороны международного сообщества – ученых, СМИ, политиков, различного рода экспертов. И, конечно же, это внимание обращено и на то, в каком состоянии находятся, и как будут развиваться общественно-гуманитарные науки в Узбекистане, в силу их близости к современным социально-политическим процессам, ко всему тому, чем живет сегодня общество.

В этом смысле статья «Гравитационная сила истории. Размышления об исторической науке» носит программный характер. Ее авторы, признанные специалисты в области истории Узбекистана, проанализировали весь спектр основных проблем, имеющих в исторической науке и историческом образовании: от структуры Института истории и вопросах защиты диссертаций до оплаты труда в академических институтах и роли исторической науки в формировании образа страны. Конечно, каждый из поднятых вопросов требует отдельного, обстоятельного разговора.

Статья получила широкий резонанс в мировой паутине. Об этом говорят многочисленные комментарии, которые появились в gazeta.uz, а также тот факт, что ее перепечатали не только другие отечественные сайты, но и зарубежные. Мало того, Центрально-азиатская программа университета Джорджа Вашингтона посчитала нужным перевести эту статью на английский язык и разместить на своем сайте, что свидетельствует о большом интересе к истории Узбекистана и тем позитивным реформам, которые проводятся в стране в области академической науки. Аналогичное предложение поступило из Университета Индианы. Десятки откликов получены в социальных сетях из Казахстана, Украины, России, Чехии, Болгарии, Великобритании, США, Китая, Южной Кореи и других стран. Это говорит о том, что поднятые в статье вопросы оказались важными не только для понимания положения исторической науки и образования в Узбекистане, но и созвучны с тем, что происходит в этих областях в других странах.

Я полагаю, авторы не должны останавливаться на достигнутом, поскольку интересы науки требуют дальнейшего еще более углубленного анализа и критического осмысления поднятых ими проблем. И это весьма благодарное начинание, которое уже сейчас в значительной мере подвигнет ученых к анализу и решению не только частных локальных вопросов, но и к созданию масштабных фундаментальных обобщающих трудов по истории Узбекистана, наущная необходимость которых очевидна.

*Доктор исторических наук,
академик АН Республики Узбекистан
Э. В. Ртвеладзе*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Интернет кардинально изменил способ распространения научной (и не только) информации. Мы хотели бы поблагодарить *gazeta.uz* в лице ее главного редактора Азамата Атаджанова за публикацию нашей статьи. В первые несколько часов после ее публикации ее просмотрели (прочитали) более 3 000 человек, а спустя полтора месяца – более 10 000 читателей. Еще недавно о таких «тиражах» можно было только мечтать. В течение несколько дней статью перепечатали другие узбекистанские сайты, а также сайты Казахстана, России и США. Если проводить аналогию с прежним временем, это, если бы статью, опубликованную в одном журнале, перепечатали в других, да еще в разных странах. В принципе это было возможно, но этот процесс мог растянуться на месяцы, если не годы.

Хотелось бы выразить благодарность всем участникам обсуждения. Все эти мнения, включая критические, есть способ взглянуть на обсуждаемые проблемы с различных сторон, что невозможно сделать в рамках одной статьи. И подобный принцип «всесторонности» в рамках коллективного обсуждения - залог более тщательного рассмотрения проблемы и ее анализа.

Мы особо хотим поблагодарить *Марлен Ларуэль*, директора Центральноазиатской Программы Института европейских, российских и евразийских исследований Университета Джорджа Вашингтона (США) и *Айтолкын Курманову*, главного редактора Региональной аналитической сети Центральной Азии (Central Asian Analytical Network, США) за перевод и публикацию статьи на сайте Программы <http://centralasiaprogram.org/>

Мы выражаем также признательность Джону Хитершоу (John Heathershaw (University of Exeter, Великобритания) за рассылку статьи среди зарубежных коллег и Марианне Камп (Indiana University, США) за аннотированный перевод статьи на английский язык и его рассылку.

И, конечно же, отдельная теплая благодарность Анастасии Саидмахмудовой, редактору gazeta.uz за ее терпеливую работу и плодотворные замечания и правки, которые позволили улучшить текст статьи.

Д. А. Алимova

В. С. Хан

Иллюстрация: «Газета.uz»

**ГРАВИТАЦИОННАЯ СИЛА ИСТОРИИ.
РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ И
ДИСКУССИЯ ВОКРУГ ПРОБЛЕМЫ¹**

Авторы: *Дилором Алимова* – доктор исторических наук (1991), профессор (2002). С 1992 года руководит отделом историографии, источниковедения и методов исторического исследования Института истории. В 2000 – 2010 годах работала директором Института истории Академии наук Узбекистана. С 2000 года – член Европейского общества историков (ESCAS), с 2004-го – сопредседатель Международной ассоциации центральноазиатских исследований (штаб-квартира – в Сеуле). С 1997 по 2005 годы была вице-президентом Комиссии ЮНЕСКО по изданию 6-томной «Истории цивилизаций Центральной Азии». Руководитель совместных международных проектов с университетами Вашингтон и Джорджия (США) (2005 – 2006 гг.). Выступала с лекциями в Высшей школе социальных исследований Министерства высшего образования Франции, в Университете Фрайбурга (Германия) и др. Член редколлегии ряда отечественных и зарубежных журналов: «The Korean Journal of Central Asian and Caucasian Studies» (Южная Корея, Сеул), «Историческое пространство Проблемы истории стран СНГ» (Россия, Москва), «SHYGYL» (Казахстан, Алматы). Главный редактор журнала «Узбекистон тарихи». Автор около 400 публикаций.

¹ Данная статья была (в сокращенном виде) была опубликована на сайте gazeta.uz 26 июля 2017 года: Дилором Алимова, Валерий Хан. Гравитационная сила истории. Размышления об исторической науке и дискуссия вокруг проблемы [Электронный ресурс] // URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2017/07/26/history/> (дата обращения: 26.10.2017).

В настоящем издании статья дается в первоначальной, полной редакции, опубликованной на английском языке на сайте Central Asia Program Института европейских, российских и центрально-азиатских исследований, Университета Джорджа Вашингтона: <http://centralasiaprogram.org/archives/11188>.

Валерий Хан – кандидат философских наук (1986), доцент (1992). Работал советником ректора и директором Центра планирования стратегического развития Национального университета Узбекистана, заместителем директора Института истории Академии наук Узбекистана, главным специалистом Центра новейшей истории. Преподавал в южнокорейских университетах Хосо (1998 – 2000), Ханянг и Сонкюнган (2011). Выступал с публичными лекциями в ведущих университетах США и Южной Кореи. Большая часть научных трудов опубликована за рубежом. Представлял Узбекистан на более чем 70 международных конференциях в 18 странах.

Есть ли область научного знания, которая была бы интересна всем – от обывателя до государственного деятеля? Ведь не каждый интересуется квантовой механикой или структурой ДНК. И такая область есть – это история. Достаточно вспомнить, где только не происходят исторические дебаты – от солидных научных симпозиумов и правительственных кабинетов до дружеских посиделок, переходящих в отчаянные баталии, и виной тому вопросы истории.

Наше прошлое и желание его осмыслить обладают огромной силой притяжения. Кто мы? Откуда мы? Куда мы идем? Мимо этих вопросов не может пройти ни отдельный индивид, ни отдельно взятый народ, ни общество в целом. Гравитационная сила истории делает ее наукой максимально земной. Она вторгается в нашу жизнь постоянно, даже помимо нашего желания.

Понимание истории определяет будущее

В отличие от естественных и технических наук история связана с жизнью и судьбами людей. Каждому из нас – от обывателя до государственного деятеля – она кажется понятной, и каждый имеет свое мнение по любому вопросу истории. Исторические знания, которыми мы обладаем, – они могут быть как научными, так и псевдонаучными – образуют ту атмосферу, которая определяет ценности, мировоззрение и поведение, в том числе – и это крайне важно – в области политики. История становится тем ветром, который дует в паруса нашего движения в будущее. От того, какой

ветер мы поймает, то есть как мы поймем историю, во многом зависит и порт назначения. Если учесть, что время пути до вожделенного порта может исчисляться многими годами, то цена путешествия слишком велика, чтобы только узнать, что двигался не в том направлении.

Именно поэтому историческая наука и историческое образование во все времена имели архиважную значимость. И недооценивать это нельзя. История – не только инструмент формирования научных знаний и духовности. Она может быть и орудием дестабилизации общества. Вот почему так важно периодически совершать «аудит» исторической науки и исторического образования и подвергать анализу состояние, в котором они находятся, и направление, в котором они развиваются.

За последнюю четверть века историческая наука Узбекистана сильно преобразилась, во многом шагнула вперед. Но достижения – лишь часть состояния науки. Говоря только о них и не подвергая анализу недостатки и упущения, мы усугубляем существующие проблемы науки и тормозим ее развитие. А если учесть колоссальную роль науки в современном обществе, можно говорить и о его развитии в целом. Поэтому мы обязательно должны говорить о том, в каком состоянии находится наша наука и что необходимо изменить, чтобы обеспечить ее полноценное развитие.

Новым взглядом на развитие науки и образования в стране стали постановления Президента Узбекистана Ш.М. Мирзияева о совершенствовании деятельности Академии наук от 17 февраля² и системы высшего образования от 20 апреля³. В первом документе была подтверждена принципиальная роль Академии наук в развитии и координации научных исследований. Распыленные ранее по вузам институты возвратились в Академию наук, вернувшую себе функции центра фундаментальной науки. Это имеет важнейшее значение для понимания Института истории как академического института,

² Постановление Президента Республики Узбекистан от 17 февраля 2017 года № ПП-2789 «О мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности Академии наук, организации, управления и финансирования научно-исследовательской деятельности» // http://lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=3117027

³ Постановление Президента Республики Узбекистан от 20 апреля 2017 года № ПП-2909 «О мерах по дальнейшему развитию системы высшего образования» // http://lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=3171587

который должен быть центром фундаментальных исследований и задавать вектор развития исторического образования.

Об организации исторической науки

Сегодняшние проблемы исторической науки и образования можно разделить на две части — с точки зрения формально-организационного строения и с точки зрения их содержательного развития.

Если говорить о первом, то статус Института истории как республиканского интегративного центра с различными функциями снизился. В чем это проявилось?

Количество сотрудников института за последние годы сократилось. Отдел материальной культуры, занимавшийся древнейшей и древней историей, и вовсе перестал существовать как подразделение. Объединение древней и средневековой истории, как это имеет место сегодня, нельзя назвать оправданным, поскольку нижняя граница древней истории опускается на сотни тысяч лет до нашей эры, а верхняя граница средневековой истории восходит к середине XVIII века. Представим себе ситуацию обсуждения двух диссертаций, одна из которых посвящена археологии палеолита или неолита, а другая — к примеру, истории Кокандского ханства. Во втором случае одни члены отдела (специалисты по каменному веку) будут статистами и их присутствие просто не обязательно, а в первом случае — другая часть отдела (специалисты по XVIII — XIX вв.) окажется в аналогичной ситуации. И какой будет общая тема отдела? Мы уже не говорим, что подобная несовместимость будет порождать внутри отдела неминуемый конфликт интересов, особенно, при подаче грантовых проектов.

Непонятны размеры финансирования проектов, не соответствующие объемам работы в силу различной продолжительности изучаемых эпох. Исследования по такому огромному периоду как Средневековье (V-XVIII века) имеют тот же бюджет, что и исследования по советскому и постсоветскому периодам, а то и меньше. Такие диспропорции ведут к сокращению кадров в области средневековья, в то время как подготовка профессиональных ученых в этой сфере — чрезвычайно трудный и длительный процесс,

связанный с изучением восточных языков и умением читать рукописи.

Что касается новейшей истории, то во многих странах ее изучение входит в задачу специализированных центров или центров политологии, международных отношений и других дисциплин. Не случайно постановление Президента от 30 июня текущего года⁴ (как и более раннее – от 27 января 2012 года) предусматривает наличие Координационно-методического центра по вопросам новейшей истории Узбекистана при Академии наук с отдельным бюджетом финансирования.

Защита диссертаций

Один из важнейших вопросов любой науки – защита диссертаций. Ранее (до 2012 года) утверждение тем диссертаций проходило на заседаниях республиканского Координационного совета при Институте истории, а защиты – Специализированных советов в Институте истории и Национальном университете Узбекистана. Позже утверждение тем было передано в Государственный комитет по науке и технологиям, а два Специализированных совета объединили и перевели в Национальный университет. Что это дало?

Не раскроем тайну, если скажем, что увеличение учебной нагрузки, всевозможные проверки и разбухание отчетности в вузах за последние 10-15 лет привели к тому, что преподаватели все свободное время тратят на написание текстов лекций, методичек, всевозможных справок и отчетов и, в силу нехватки времени, не имеют возможности полноценно заниматься наукой.

На кого падает основная часть учебной нагрузки и вся бюрократическая писанина? Конечно, на молодежь, которая еще не имеет своего голоса, но именно от которой и ждут новых прорывов в науке. С таким же успехом можно спортсмена заставить сутками разгружать вагоны, а затем ждать от него результатов на беговой дорожке.

⁴ Постановление Президента Республики Узбекистан от 30 июня 2017 года № ПП-3105 «Об организации деятельности общественного совета по новейшей истории Узбекистана при академии наук Республики Узбекистан» // http://lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=3251703

Ввиду загруженности кафедр предзащитная работа с соискателями свелась к минимуму. А ведь сама защита – лишь конечный результат, которому предшествует большая многолетняя работа. Раньше, прежде чем выйти на защиту, все соискатели по несколько раз проходили обсуждение в отделах Института истории. Мы далеки от того, чтобы идеализировать качество всех диссертаций, но работа с соискателями была поставлена так, чтобы поднять уровень диссертаций и вывести их на соответствие требованиям Высшей аттестационной комиссии.

Такая же ситуация сложилась с переносом функций Координационного совета при Институте истории по утверждению тем диссертаций в Госкомитет по науке и технологиям, где утверждение тем стало носить формальный и преимущественно заочный характер. Соискатель отправляет тему в ККРНТ, затем либо получает положительный ответ, либо его просят подойти в определенный кабинет, где ему предлагают тему в иной формулировке, а чаще всего – передают эту формулировку через ученого секретаря той организации, в которой работает соискатель. Может быть, такая схема и эффективна где-либо, но только не в науке.

Среди ученых есть популярный афоризм: «Правильно сформулировать проблему – значит наполовину ее решить». Поэтому формулировка темы – важнейшая часть того процесса, который ведет к защите научной диссертации. В бытность существования Координационного совета диссертант со своей темой, планом и обоснованием приходил на совет. Ему задавались вопросы, а он должен был доказать научную состоятельность и новизну темы. Заседания проходили в дискуссиях, регалии руководителей диссертантов отнюдь не являлись гарантией прохождения темы, молодые члены Совета выступали против аксакалов, критике подвергалась и позиция самого председателя Совета. Это было горнило, через которое пройти не просто. Как результат – некоторые темы не проходили утверждения. Диссертант с руководителем должны были возвращаться к исходной позиции и вновь начинать работать над разработкой темы. Именно в такой откровенной и критической атмосфере и должно проходить утверждение тем. Это может быть еще не достаточное, но необходимое условие формулировки исследовательских задач в науке.

Думаем, что создание Агентства по науке и технологиям при Кабинете Министров (постановление от 17 февраля)⁵ позволит по-новому подойти к разработке организационных мер по определению приоритетных направлений развития науки.

Зачем инженеру история?

А́ каково место предмета истории в образовательном процессе?

В вузовской системе Узбекистана в последнее десятилетие также происходит сокращение объема часов по истории. Мотивируется это тем, что история преподается в школах, лицеях и колледжах. Но высшее образование, в отличие от школы, где основным является освоение фактического материала, преследует другую цель – научить историческому мышлению. Это значит научиться выявлять причинно-следственные связи в множестве событий и процессов, подходить к последним как к сложным явлениям, имеющим многомерность измерений и оценок. Именно эти качества становятся востребованными, когда после окончания вуза специалист, в перспективе – будущий руководитель, сталкивается с задачами, связанными не только с его специализацией, но и с социальными, нравственными, а подчас и государственными аспектами, что требует иного типа мышления.

Особенно это важно в эпоху глобализации. Мы являемся не только инженерами или медиками, но и гражданами Узбекистана, носителями его исторической памяти и ценностей. И то, как представлен голос Узбекистана на мировой арене – вопрос государственной важности. В политике эта миссия называется быть культурными посланцами своей страны.

Чтобы ответить на вопрос, в какой степени мы должны обеспечить преподавание в вузах истории и других гуманитарных дисциплин, приведем некоторые данные. В технических вузах США и Англии объем гуманитарных наук доходит до 30%. И дело не в количестве гуманитарных дисциплин.

⁵ Постановление Президента Республики Узбекистан от 17 февраля 2017 года № ПП-2789 «О мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности Академии наук, организации, управления и финансирования научно-исследовательской деятельности» // http://lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=3117027

Вопрос стоит так: зачем «технарю» история, философия или литература? Ответ прост: чтобы развить в человеке человеческое. Как говорят специалисты, прогнозирующие будущее, цивилизация, которая придет на смену техногенному обществу, в котором мы живем, будет антропогенной. То есть в ней главной ценностью, конечной целью развития, главным мерилom развитости будет Человек. За всем, что мы делаем, должны стоять нужды и интересы человека и взятого в своем многомиллионном измерении – множества людей, или народа. Приятно отметить совпадение контуров нынешней государственной политики в Узбекистане, где текущий год объявлен Годом диалога с народом и интересов человека, с движением человечества к антропогенному полюсу.

Необходимы гуманизация и гуманитаризация образования, как это сделано в развитых странах. Речь идет не о формальной галочке, а о коренном переосмыслении роли общественных наук. Сегодня нам нужен не просто специалист, а профессионал с широким мировоззрением, высокой нравственностью, пониманием своей ответственности, иначе говоря – личность. Теодор Рузвельт утверждал: «Воспитать человека интеллектуально, не воспитав нравственно, – значит вырастить угрозу для общества».

Стив Джобс, основатель Apple, во время презентации своего iPad в 2010 году заявил: «В ДНК у Apple заложена идея о том, что одних только технологий недостаточно. Нужна технология, объединенная с общеобразовательными предметами, объединенная с гуманитарными науками, и она дает такие результаты, которые заставляют наши сердца петь».

В чем торможение?

Перейдем теперь к вопросу: «А что происходит в исторической науке с точки зрения развития ее содержания, новых идей, освоения современных методологий, обеспечения конкурентоспособности на международном уровне?»

Безусловно, за годы независимости все общественные науки претерпели перемены. Это новые открытия, направления исследований, введение в оборот новых архивных документов и так далее.

С другой стороны, в тех же науках можно обнаружить некий застой, провинциализм и оторванность от мировой науки. Конечно, к оценке состояния различных дисциплин нужно подходить дифференцированно. Так, археология или история средних веков в Узбекистане традиционно находятся на высоком уровне, и многие их представители – признанные ученые с международным именем (М.Е. Массон, Г.А. Пугаченкова, Ю.Ф. Буряков, Э.В. Ртвеладзе и др.). В то же время в других отраслях исторического знания, особенно по новейшей истории, немало откровенно слабых, поверхностных работ.

Для многих отечественных публикаций по-прежнему характерны приверженность к стилю мышления и терминологии советского официозного обществознания – излишняя восторженность, лозунговые клише, заезженные штампы, тенденциозный подбор фактов. Президент Узбекистана уже обозначил свое отношение к такому вопросу как лакировка действительности в СМИ (ура-патриотизму).⁶ Эту позицию можно в полной мере отнести и к общественным наукам.

Как и в советский период, для многих обществоведческих работ характерно одноцветное видение (дихотомизм), когда события рассматриваются через призму либо черного цвета, либо белого. Так, при освещении советского периода, наряду с заслуженной критикой идеологии того периода, мы подчас «выплескиваем из корыта вместе с водой и ребенка». А ведь в этот период были достигнуты значительные успехи практически во всех областях жизни – индустрии, строительстве, образовании, науке, культуре. И вершитель этих достижений – наш народ, роль которого по существу принижается.

Что касается работ, посвященных истории последних десятилетий, хотя в них изложен положительный опыт развития страны в годы независимости, они практически не содержат анализа проблемных ситуаций.

Одним из главных недостатков публикаций по общественным наукам является отсутствие ссылок на зарубежные исследования, их анализ и критическое осмысление или их формальное представление.

⁶ «Время ура-ура прошло. На телевидении нужно давать критические и аналитические материалы» [Электронный ресурс]. URL: <https://ca-news.org/news:1373681> (дата обращения: 07.08.2017).

Многие обществоведы имеют довольно смутное представление даже о воззрениях корифеев мировой науки (причем в собственных областях), а порой и не знают их имен. Но без знания современной зарубежной литературы нельзя говорить о полноценной интеграции нашей науки в мировую.

Чтобы разрешить ситуацию со знанием зарубежной литературы, необходимо наладить ее целенаправленный и масштабный перевод на узбекский язык. Особенно это имеет значение для наук, где значительная часть обучения связана с освоением первоисточников, например, в философии. Переведены ли на узбекский хотя бы самые значительные произведения выдающихся философов, таких как Декарт, Спиноза, Кант, Гегель, или современных мыслителей (Б. Рассел, К. Поппер, Э. Фромм, М. Хайдеггер и других), не говоря уже об издании их собраний сочинений? На книжных полках можно увидеть частные переводы отдельных произведений античных философов, но по линии государственных организаций эта работа не проведена. Быть философом (у нас это означает, что человек имеет степень кандидата или доктора философских наук), не читая труды великих философов – значит быть кем угодно, но не философом. Такой «философ» не способен генерировать какие-либо философские идеи. И никакие научные степени и звания не изменят эту ситуацию.

До сих пор ждут перевода на узбекский язык работы классиков исторической науки Р. Коллингвуда, Ф. Броделя, М. Блока, Л. Февра. То же самое можно сказать об этнологах, когда не только студенты, но и некоторые ученые со степенями не читали выдающихся антропологов современности – Б. Малиновски, К. Леви-Стросса, Ф. Барта, Б. Андерсона. Раньше эта ситуация разрешалась тем, что любые классические произведения можно было найти в русских переводах. Но сегодня многие студенты не знают русского или знают его на бытовом уровне, что явно недостаточно для чтения научных трудов.

Возрождение знания русского языка среди студенчества – важная задача, без решения которой трудно ожидать прогресса в общественных науках. Последнее особенно важно для историков. Наша история последних 150 лет, хранящаяся в архивных фондах, задокументирована на русском языке, и без опоры на эти документы глубокое и доскональное изложение этой истории вряд ли возможно.

Проблема не только в том, что мы плохо знаем зарубежных ученых, но и в том, что нас плохо знают за рубежом. Из более чем 1000 остепененных обществоведов, за рубежом знают лишь 20-30 человек. Мы имеем в виду не столько персональное знакомство, сколько труды и идеи. При таком раскладе трудно говорить об интеграции отечественной науки в международное научное пространство. Достаточно взять зарубежные работы, посвященные современному Узбекистану, и посмотреть, как много в них ссылок на труды наших обществоведов. Результат будет более чем скромным. Получается, что наши публикации по новой и новейшей истории – то, чем, вероятно гордятся их авторы – просто неизвестны ученым других стран и тем самым теряют свою ценность, поскольку является продуктом домашнего потребления. Но научная продукция, в силу природы самой науки, не может ориентироваться только на внутрэнного потребителя. А иначе это не научная продукция.

Интеграция в мировую науку или изоляция?

Необходимо, чтобы больше отечественных ученых представляли страну на зарубежных форумах, а их публикации — в зарубежной печати. Некоторые руководители не совсем понимают государственную значимость этой задачи. Нередко приглашение преподавателя выступить с докладом на зарубежной конференции вместо гордости вызывает вопрос: «Пока ты там будешь разгуливать (?), кто вместо тебя будет вести занятия?»

Ступенчатая процедура разрешения на выезд (внутренняя комиссия, решение головной организации, рекомендация МИД) осложняет интеграцию нашей науки и образования в международное пространство. Между тем постановление Президента Узбекистана от 20 апреля рассматривает эту интеграцию как приоритетное направление государственной политики. Необходимо максимально упростить процедуру оформления поездок ученых за рубеж (как и приезд иностранных ученых в Узбекистан).

Приведем показательный пример. В 2015 году в Цюрихе (Швейцария) состоялся XIV Конгресс Европейского общества по изучению Центральной Азии. Количество докладчиков из Казахстана в три раза превышало количество докладчиков из Узбекистана. А

секция «История государственности в Центральной Азии» была представлена только казахскими учеными. При том, что в Узбекистане издан, не имеющий аналогов фундаментальный труд под редакцией Э.В. Ртвеладзе и Д.А. Алимовой «История государственности Узбекистана. Том I». А где же были узбекистанские ученые, если иметь в виду, что у нас в стране тема истории государственности является одним из приоритетных направлений исторической науки? А многих не пустили собственные вузы, вероятно, считая участие на этом конгрессе видом развлечения. В 2016 году в Нью-Джерси проходила XVII ежегодная конференция, организованная Обществом центрально-евразийских исследований (США), в которой приняли участие почти 300 докладчиков из разных стран. Количество казахских ученых превышало количество узбекистанских в семь раз. Участие наших ученых в таких серьезных форумах является вопросом государственной важности и престижа, поскольку касается веса Узбекистана в мировой науке, и не просто в науке, а в той области, которая связана с осмыслением истории и культуры самого Узбекистана и его духовности. И конечно же, механизм продвижения отечественных ученых на зарубежные рынки интеллектуальной продукции нуждается в государственной поддержке.

О проторенных тропах и цитатах в науке

Еще один вопрос – вопрос тематического разнообразия в нашем общественном знании. В ряде наук стало нормой идти по проторенным дорожкам, созданным предшественниками. Когда смотришь темы диссертаций, книг и статей по той или иной дисциплине за рубежом, то поражаешься контрасту по сравнению с нашими темами. Нам необходимо провести инвентаризацию тем исследований и направить усилия на ликвидацию белых пятен⁷.

⁷ Так, вопросы межэтнических отношений во всем мире приобрели чрезвычайную остроту, этничности и этническим меньшинствам посвящены сотни монографий и тысячи статей. Не случайно, Республиканский интернациональный центр был недавно преобразован в Комитет по межнациональным отношениям и дружественным связям с зарубежными странами. Узбекистан – многонациональное государство, в то время как населяющие его этносы так и не стали предметом систематического изучения. Необходимо, чтобы отдел антропологии и

Нужно преодолеть дисциплинарную замкнутость общественных наук. Историки не знают, над чем работают философы, этнологи смутно представляют достижения в области психологии и так далее. И это при том, что междисциплинарность – одна из важнейших черт современной науки. В естествознании ее проявлением стали биофизика, геохимия, геофизика и другие науки. В мировой науке оформились междисциплинарные области и с исторической наукой – исторические антропология, социология, география, демография, картография, антропометрия, квантитативная история. В современных исторических исследованиях используются методы и понятия психологии, семиотики, моделирования, математики, синергетики. Но если мы зададимся вопросом, какие из этих междисциплинарных направлений освоены у нас, на него будет нелегко ответить.

Многие отечественные публикации носят вторичный, комментаторский и компиляционный характер. В них трудно обнаружить самостоятельность мышления, творческие и новаторские подходы, аналитические прогнозы. Эти работы направлены не столько на решение сложных проблем, стоящих перед нашим обществом, сколько задним числом обосновывают текущую политику и изобилуют цитатами.

Речь идет о механическом цитатничестве, процветавшем как на протяжении всей советской эпохи, так и в постсоветский период и, прежде всего, цитатах из трудов и речей лидеров страны. Кому-то постановка такого вопроса покажется слишком деликатной, на него даже было наложено некое негласное вето. Но речь идет о важнейшем вопросе, от которого зависит будущее нашей науки и который требует своего осмысления.

Известно, что в общественных науках труды и высказывания глав государств, политических лидеров, исторических личностей являются важным аналитическим ресурсом. Мало того, во всех солидных журналах количество ссылок, включая цитаты, является одним из показателей, определяющим уровень статьи. Так, невозможно обсуждать те или иные процессы в Узбекистане без обращения к трудам и речам Президента, который инициирует и

этнологии Института истории широко включил в свое тематическое поле вопросы этнополитики и изучения этнического разнообразия Узбекистана.

определяет политику в отношении этих процессов. В противном случае это будет просто непрофессионально.

Однако цитата цитате рознь. В одном случае это важный пункт анализа, а в другом – цитата ради цитаты. Настоящая поддержка лидера страны – это не поиск «подходящих» цитат, а реальная и ответственная включенность ученого в решение тех задач, которые руководитель государства ставит перед научным сообществом. Что касается манипулирования цитатами вместо научного анализа и рекомендаций на основе этого анализа – то можно ли такую позицию назвать гражданской, моральной и достойной звания ученого?

Об уравниловке, конкуренции и оплате труда в науке

Необходимо искоренить дилетантизм и профанацию науки, какими бы научными званиями они не прикрывались. Но как от них избавиться и как создать драйверы для прогрессивного развития науки и образования? Как сделать так, чтобы истинные ученые получили поддержку, а те, кто на науке и образовании решили погреть руки, чувствовали бы себя неуютно?

Прежде всего, нужно уходить от уравниловки и создавать конкурентную среду. Важно создать систему мотивации на высокопродуктивный научно-педагогический труд.

Одной из попыток создать конкурентную среду между коллективами, со ссылкой на зарубежную практику, был переход в начале 2000-х годов Академии наук на гранты, объявляемые Государственным комитетом по науке и технологиям. Однако инициаторы перехода не учли, что за рубежом гранты – это не основная, а дополнительная форма финансирования научного труда. Например, профессор получает заработную плату в вузе и, кроме того, может подавать заявки на гранты.

При создании грантовой системы наши вузы оказались в той же ситуации, что и зарубежные: профессора получали заработную плату и при этом подавали на гранты. Что касается учреждений Академии наук, то они оказались в совершенно иной ситуации. Их сотрудники получали зарплату, только если они выигрывали гранты – т.е. или работая без оплаты, или уходя из науки.

Возьмем, к примеру, Институт истории: его отделы изучают историю, начиная с древности и кончая современностью. Эти отделы подают на гранты. Представим, что какой-то проект не прошел, или его финансирование резко урезали. Что в связи с этим делать – закрывать отдел? Не изучать древность или средневековье? Но тогда не будет целостного изучения истории Узбекистана. И что делать директору? Единственное правильное решение – это на свой риск сохранить сотрудников, чей проект не прошел, посадив их на ставки (конечно, усеченные) грантов других отделов. А если в следующий раз не пройдет другой отдел?

Основываясь только на грантах, исследования Академии наук превращаются в эклектическую совокупность разнородных и кратковременных проектов, что лишает их системной и долгосрочной эффективности. Постоянная смена тем проектов порождает в институтах ситуацию, когда сотрудники готовы заняться любой темой, лишь бы остаться в составе того или иного проекта. А если их предшествующий опыт и квалификация не вписываются в данный проект? Это перестает иметь значение, что порождает вопрос и о моральной ситуации, когда ученый перестает задумываться о своем месте и ответственности в науке, и у него формируется психология временщика. Рушится кадровая преемственность. В таких условиях трудно рассчитывать на кумулятивное накопление научных достижений и какие-либо прорывы.

Мы убеждены, что необходимо сохранить системность и перспективность тематического поля исследований, кадровую преемственность Академии наук, что может быть достигнуто только при ее постоянном и прямом государственном финансировании. При этом грантовая система необходима для сохранения конкурентоспособности научных коллективов и концентрации финансовых ресурсов на определенных, приоритетных направлениях для решения наиболее острых задач науки и общественного развития страны по линии Агентства по науке и технологиям. Тогда вузы и НИИ окажутся в равном положении.

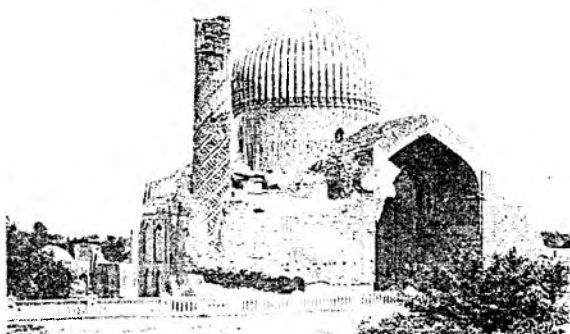
Конкурентную среду нужно создавать не только между коллективами, но и между учеными. И здесь важно изменить критерии оценки и стимулирования научно-педагогического труда. В науке кандидат кандидату и доктор доктору рознь, а некоторые

ученые по своей квалификации и научному вкладу, чего греха таить, и вовсе не соответствуют своим ученым степеням. В мировой практике давно уже норма, когда ученые с одной и той же степенью получают заработные платы, отличающиеся иногда в разы, в зависимости от индексов, выражающих научный КПД. Авторитет ученого определяется, прежде всего, качеством научных трудов, новаторскими идеями, востребованностью международным сообществом. А все формальные регалии – лишь следствие научного творчества. И если мы хотим, чтобы талантливая молодежь шла в историческую науку, мы должны обратить внимание на укрепление престижа ученого-историка.

История как капитал

Значимость истории заключается не только в ее уроках или знаниях. Речь идет об истории как капитале – капитале интеллектуальном, политическом, культурном и, если хотите, экономическом. До сих пор не использован потенциал исторической науки в создании брендов Узбекистана. И это снова задача государственной важности, когда все страны борются за распределение мирового информационного пространства, узнаваемость национальной топографии, позитивное восприятие образа страны. Результат этой борьбы – развитие туризма, исторического кинематографа, инвестиционные потоки, экспорт национальной культуры в другие страны, политическое влияние и так далее. Использование достижений исторической науки способно многое изменить: восприятие страны другими народами, ее статус среди других государств, нашу молодежь и наше будущее.

The Gravitational Force of History: Reflections on Historical Science in Uzbekistan⁸

By Dilorom Alimova and Valeriy Khan

September 2017

The paper is an extended version of the article published on the website <https://www.gazeta.uz/ru/2017/07/26/history/>

Authors:

Dilorom Alimova is a Doctor of Historical Sciences (1991) and Professor (2002). Since 1992, she has headed the Department of historiography, source studies, and methods of historical research at the Institute of History. Between 2000 – 2010, she worked as director of the Institute of History of the Academy of Sciences of Uzbekistan. Since 2000-s, she has been a member of the European Society of Historians (ESCAS), and since 2004, she has served as co-chairman of the International Association of Central Asian Studies (headquartered in Seoul).

Since 1997 till 2005 she was the vice-president of UNESCO's Commission on publishing of VI volumes "The History of civilizations of Central Asia". She was the manager of joint international projects with Universities of Washington and Georgia (USA) (2005-2006). She gave

⁸ <http://centralasiaprogram.org/archives/11188>

lectures in Supreme school of social researches of the Ministry of higher education of France, as well as in University of Freiburg (Germany) and others. Dilorom Alimova is the member of editorial board of a number of national and foreign journals: "The Korean Journal of Central Asian and Caucasian Studies" (South Korea, Seoul), "Istoricheskoe prostranstvo. Problemi istorii stran SNG" (Russia, Moscow), "SHYGYS" (Kazakhstan, Almaty). Dilorom Alimova is editor-in-chief of the Journal *Uzbekiston Tarihi*. She is the author of more than 400 publications.

Valeriy Khan is a Doctor of Philosophy (1986) and Associate Professor (1992). He worked as an advisor to the rector and director of the Center for Strategic Planning of the National University of Uzbekistan, deputy director of the Institute of History of the Academy of Sciences of Uzbekistan, and chief specialist of the Center for Contemporary History. He has taught at the South Korean universities Hoseo (1998-2000), Hanyang, and Sonkungwang (2011). He has spoken at public lectures at leading universities in the United States and South Korea. Most of his scientific works are published abroad. He has represented Uzbekistan at more than 70 international conferences in 18 countries.

Introduction

Is there a sphere of scientific knowledge that would be captivating to all, from the man on the street to the statesman? After all, not ~~every~~ everyone is interested in quantum mechanics or the structure of DNA. We would argue that not only does such a sphere exist, but that it also has a name history. Debates about history take place on every corner, ranging from academic symposia and government cabinets to friendly gatherings. These discussions can heat into desperate battles, thanks to the inflammatory nature of historical questions.

Who are we? Where do we come from? Where are we going? No individual, nation, or society can ignore these questions. The gravitational force of history renders its science entirely earthly. It constantly intrudes on our lives, often against our will.

How we understand history determines the future

History becomes the wind that blows our sails toward the future. The wind we catch – that is, the way we understand history – largely determines the port of destination.

In contrast to natural or technical sciences, history is related to the lives and destinies of humans. Each one of us believes we can understand it, and we each have our own opinions about any given historical event. The historical knowledge we possess – whether scientific or nonscientific – creates an atmosphere that determines values, worldviews, and behaviors, including in the field of politics. History becomes the wind that blows our sails toward the future. The wind we catch – that is, the way we understand history – largely determines the port of destination. If we take into account that the journey time to the desired port takes decades, then the price of travel is too high to discover that one was moving in the wrong historical direction.

This is precisely why historical science and historical education have been of paramount importance since the dawn of time. However, history is not only a tool for forming scientific knowledge and spirituality. It can also be a weapon that destabilizes a society. This is why it is so vital to carry out periodic “audits” of historical science and historical education, to analyze their condition and the direction in which they are developing.

Over the last quarter-century, Uzbekistan’s historical science has seriously transformed. Yet achievements are only part of the overall picture. Discussing them without analyzing their shortcomings and omissions we exacerbate existing problems and impede the development of historical science. It is essential for us to talk about the state of our science and what needs to be changed in order to ensure its complete development.

In Uzbekistan, the new President’s decrees on improving the activities of the Academy of Sciences (on February 17, 2017) and the higher education system (as of April 20, 2017) offer new perspectives on the development of science and education. The first document confirmed the principal role of Academy of Sciences in developing and coordinating scientific research. Institutions that had previously been dispersed across universities came together again in the Academy of Sciences, which has

regained its role as the center of fundamental sciences. This reorganization is essential for understanding the Institute of History as an academic institution, which should be the center of fundamental research and act as a vector for historical education.

On the organization of historical science

The problems facing historical science today can be assessed from two main standpoints: their formal-organizational structure and their meaningful development.

On the first point, the status of the Institute of History as a national integrative center with various functions has fallen. In what way did this manifest itself?

Over the past few years, the number of employees of the institute has decreased. The Department of Material Culture, which was in charge of ancient history, has ceased to exist and merged with that of medieval history. This unification cannot be justified, since ancient history extends hundreds of thousands of years B.C, while "medieval history" runs all the way to the middle of the 18th century. Let us imagine a discussion regarding two dissertations, one of which is devoted to the discovery of Neanderthal man in the cave Teshik-Tash, and the other to the Kokand Khanate. In the first case, some members of the department (specialists in the 18th and 19th centuries) will be irrelevant and their presence simply unnecessary. The same is true of the latter case, where Stone Age specialists would have little to say on the Kokand Khanate. It also makes it difficult to determine a general theme for the department. On top of that, this incompatibility produces an inevitable conflict of interest within the department, especially on the submission of grant projects.

Furthermore, projects are unequally financed. The research on such a massive period as the "Middle Ages" (stretching from the 5th to the 18th century for Uzbekistan) has the same budget as research on the Soviet and post-Soviet periods – and in some cases less. Such disproportions lead to a reduction in the number of experts on the Middle Ages, particularly because the training of professional scholars in this field is an extremely difficult and lengthy process, since it requires the study of ancient Eastern languages and the ability to read manuscripts.

As for contemporary history, in many countries, its study is a task reserved for specialized centers or centers of political science, international relations, and other disciplines. It is no coincidence that the presidential decree of June 30 of this year^[2] (as well as the earlier one, dated January 27, 2012)^[4] stipulates the creation of a Coordination and Methodological Center on the Contemporary History of Uzbekistan under the Academy of Sciences, with a separate funding budget.

Thesis defense

Thesis defense plays a critical role in shaping and approving new research directions. Before 2012, theses were approved at meetings of the Republican Coordinating Council at the Institute of History, and defended in specialized councils at the Institute of History and the National University of Uzbekistan. Since then, the approval of topics has been handed over to the State Committee for Science and Technology, and the two councils have been merged and transferred to the National University. What results has this change brought about?

It is no secret that increases of workloads, all sorts of assessments, and increases of accountability in higher education institutions over the past 10-15 years have resulted in teachers spending all their time writing lectures, manuals, reference, and reports, thus limiting their involvement in research.

Who bears the main burden of the workload and bureaucratic process? The answer is simple: the youth.

Who bears the main burden of the workload and bureaucratic process? The answer is simple: the youth, who do not yet have their own voices, but of whom breakthroughs in academia are expected. Yet, one might not force an athlete to dedicate his days to unloading trucks and then expect outstanding results on the racetrack.

In view of committee chairs' workload, preparatory work with PhD candidates has been reduced to a minimum. Not to mention the fact that thesis defense itself is only the final result, preceded by intensive work over several years. Previously, prior to his defense, each applicant was individually discussed in the departments of the Institute of History. We are far from idealizing the quality of dissertations, but intense discussions

with candidates raised the level of dissertations in line with the Higher Attestation Commission's requirements.

After the task of approving dissertation themes moved from the Coordinating Council at the Institute of History to the State Committee for Science and Technology, approval of topics became formal and largely impersonal. The applicant submits the topic to the State Committee, after which he or she either receives a positive response or is being offered a different topic. Typically, this newly formulated topic is announced through the academic secretary of the organization in which the applicant works. Perhaps such a system is effective elsewhere, but not in social sciences.

As often said, "a well-defined problem is half solved." Hence, the formulation of a research question is the most important part of the entire PhD process. While this process was handled by the Coordinating Council, the applicant was asked questions and was required to prove the scholarly consistency and novelty of the selected topic. The meetings were place for deep discussions, and the prerogatives of the chosen supervisors by no means guaranteed that a topic would be accepted. The young members of the Council had the opportunity to oppose the *aksakals* (elders), and the chairman of the Council was also criticized. As a result, some topics were not approved. The thesis and his supervisor had to go back to the drawing-board and begin the defense anew. It is in such a frank and critical atmosphere that thesis defense should be held. This may not yet be a sufficient condition, but is a necessary one for the formulation of research questions in academia.

We believe that the creation of the Agency for Science and Technology under the Cabinet of Ministers (resolution of February 17, 2017) will allow us to take a new approach to these important administrative mechanisms and help us determine priority areas for the development of academia.

Why does an engineer need history? And where does the subject of history stand in the educational process?

Over the past decade, Uzbekistan's university system has seen a reduction in the number of hours allocated to history. The justification for

this is that history is taught in schools, lyceums, and colleges. However, unlike schools, which focus on mastering factual information, higher education pursues a different goal – to teach historical thinking. This means learning how to identify cause-effect relationships in a multitude of events and processes, approaching the latter as complex phenomena which have multiple dimensions and evaluations. It is these qualities that are in demand when, after graduation, a future specialist is confronted with tasks that are not related solely to his specialization, but also to broader societal questions.

This is especially important in our globalization time. We are not only engineers or medics, but also citizens of Uzbekistan, carriers of its historical legacy and values. The way in which Uzbekistan's voice is represented on the world stage is a matter of national importance. In politics, this mission is referred to as being a "cultural ambassador" of one's country.

The way in which Uzbekistan's voice is represented on the world stage is a matter of national importance. In politics, this mission is referred to as being a "cultural ambassador" of one's country

To answer the question of the extent to which we need to ensure that history and other humanities are taught in universities, let us present some data. In technical universities in the United States and the United Kingdom, the humanities represent up to 30% of courses – and this is not about the mere number of humanitarian disciplines.

The question is as follows: why does a "technocrat" need history, philosophy, or literature? The answer is simple: to develop the humane in a human. As specialists, projecting the future state or civilization that will replace the technogenic society in which we live requires an understanding of people and their behavior. To put it another way, man should be the main development indicator. In everything we do, we must stand for the needs and interests of the people. This meshes well with Uzbekistan state policy: 2017 has been declared the Year of Dialogue with the People and of Human Interests, focusing on the development of humanity.

We are in need of humanization and humanitarization of education along the lines of developed countries. This is not a mere formality, but a fundamental rethinking of the role of social sciences in shaping our society.

Today, we need not just specialists, but professionals with broad outlooks, high morality, an understanding of their responsibility – in other words, with character. To quote Theodore Roosevelt, “To educate a man in mind and not in morals is to educate a threat to society.”

During his presentation of the iPad in 2010, the founder of Apple, Steve Jobs stated, “It is in Apple’s DNA that technology alone is not enough – it’s technology married with liberal arts, married with the humanities, that yields us the results that make our heart sing”.

What is inhibiting this?

What happens in historical science from the point of view of the development of its content, new ideas, ability to master modern methodologies, ensuring competitiveness at the international level?

Undoubtedly, during a quarter of century of independence, all social sciences have undergone profound changes. These have been new discoveries, new areas of research; new archival documents have come into circulation.

On the other hand, one can also notice a certain provincialism and detachment from world practice. Of course, the assessment of the state of various disciplines must be approached differentially. For instance, archeology or medieval history is traditionally at a high level in Uzbekistan, and many of its representatives are internationally renowned scientists (M.E. Masson, G.A. Pugachenkova, Yu.F. Buryakov, E.V. Rtveladze, and others). Other branches of historical knowledge are often weaker, especially contemporary history.

Many domestic publications are for instance characterized by an adherence to Soviet thinking and terminology: excessive enthusiasm, clichéd slogans, tendentious selection of facts. The President of Uzbekistan has outlined his attitude to the varnishing of reality in the media by denouncing “hurray patriotism”.^[5] This position can be fully replicated in social sciences.

As in the Soviet period, many studies are characterized by a one-colored lens. Events are viewed through a black and white prism. Work covering the Soviet period are often very critical toward it. Yet, we are often too keen to “throw the baby out with the bathwater,” discounting the

significant progress made in almost all areas of life – industry, construction, education, science, and culture – and led by our people during the 20th century.

As for studies devoted to the history of recent decades, although they positively assess the country's development since independence, they contain barely any analysis of problematic situations.

One of the most important shortcomings of publications on social sciences is the absence of references to foreign studies. Many Uzbek social scientists have a rather vague idea even about the state of literature in their field, and cannot therefore integrate their own production into world knowledge.

To substantively improve knowledge of foreign literature, we have to undertake a purposeful and large-scale translation of these works into the Uzbek language. Are the most significant works of outstanding philosophers (such as Descartes, Spinoza, Kant, and Hegel) or more contemporary thinkers (Karl Popper, Erich Fromm, Martin Heidegger, and others) translated into Uzbek, let alone publications of their collected works? One can find some translations of ancient philosophers, but this work has not been carried out at a structural level by the state. To have a degree of PhD or a Doctor of sciences in the field of philosophy without being able to read the works of great philosophers means being anything but a philosopher, and holding an academic title will not change this situation.

We are still waiting for the translation in Uzbek of classical works of historical science, for instance by Robin Collingwood, Fernand Braudel, Marc Bloch, and Lucien Febvre. The same can be said for ethnologists: not only students, but also established scholars have not read the works of Bronislaw Malinowski, Claude Lévi-Strauss, Fredrik Barth, or Benedict Anderson. Previously, this situation was swiftly resolved, since any given classical work could be found in Russian. Today, however, many students do not know Russian or know it only at the vernacular level, which is not enough to read scholarly works.

The revival of knowledge of the Russian language among students is another important task, without which it is unlikely that progress will be made in the social sciences. The latter is especially important for historians. The last 150 years of our history, stored in archival collections,

is documented in Russian, and a profound and thorough account of this period is hardly possible without deep reliance on these documents.

The problem is not only that we do not know foreign scholars' works well, but also that we are poorly known abroad. Of more than 1,000 established social scientists, the works and ideas of only 20-30 people are recognized. Under such circumstances, it is difficult to discuss the integration of domestic academia into the international scholarly space. It is enough to take foreign works devoted to contemporary Uzbekistan and count the number of references to our social scientists. The result is more than modest. It turns out that our publications on new and current history – of which their authors are probably proud – are simply unknown to scholars of other countries, and so they lose their value by becoming a product of domestic consumption alone.

Integration into world science or isolation?

It is necessary for scholars to represent their country in international forums and to publish in world recognized journals. But some managers of universities do not realize the significance of this task. Often, when a professor is invited to attend a foreign conference, it is an occasion not for pride, but for the question: “Who is supposed to take over the courses while you’re on holiday?”

The lengthy procedure of obtaining permission to leave (internal commission, the decision of the parent organization, the recommendation of the Ministry of Foreign Affairs) complicates the integration of our science and education into international space. Meanwhile, the presidential decree of April 20, 2017 sees this integration as a priority direction of state policy[6]. It is therefore necessary to simplify the procedure for researchers to make trips abroad (as well as for foreign researchers to visit Uzbekistan) as much as possible.

Let us offer an illustrative example. In 2015, the 14th Congress of the European Society for the Study of Central Asia (ESCAS) was held in Zürich, Switzerland. The number of reporters from Kazakhstan was three times higher than those from Uzbekistan. The section “History of statehood in Central Asia” was presented by Kazakh researchers alone. Considering that in our country, the theme of statehood is one of the

priority directions of historical science, where were the Uzbek researchers? Many did not receive permission to leave from their universities, which likely considered participation in such congresses a form of entertainment. In 2016, Princeton University hosted the 17th annual conference of the Central Eurasian Studies Society (CESS), in which almost 300 speakers from different countries took part. The number of Kazakh researchers exceeded those of Uzbekistan by seven times. The participation of our researchers in such important fora is a matter of national prestige, since it concerns the influence of Uzbekistan in world academia. The promotion of domestic researchers abroad can only happen with state support.

On well-trodden paths and the use of quotations in academia

Here is another question – the question of thematic diversity in our social sciences. In a number of sciences, it has become the norm to follow the well-trodden paths created by one's predecessors. When one looks at the array of themes of dissertations, books and articles on a given discipline abroad, one marvels at how much they contrast with our subjects. We need to carry out an inventory of research topics and direct efforts to eliminate gaps[7].

The disciplinary isolation of the social sciences must be overcome, too. Historians are not aware of the works being produced by philosophers, ethnologists only have a vague idea of the achievements in the sphere of psychology, etc. – and this is despite the fact that interdisciplinarity is one of the most important aspects of modern academia. In natural sciences, this is manifested through subjects such as biophysics, geochemistry, and geophysics. Interdisciplinarity has also been established in historical science through historical anthropology, sociology, geography, demography, cartography, anthropometry, and quantitative history. Modern historical research uses methods and understandings drawn from psychology, semiotics, modeling, mathematics, and synergetics. But it remains difficult to say which of these interdisciplinary directions have been adopted by Uzbek social scientists.

Many publications have a secondary and commentary character. They seldom demonstrate independence of thought, display creative and

innovative approaches, or make analytical forecasts. These works are aimed not so much at solving the complex problems facing our society but at retroactively substantiating the current policy, congesting it with quotations.

We refer here to systematic over-quoting, which flourished throughout the Soviet era and in the post-Soviet period and, above all, revolved around quotations from the writings and speeches of the country's leaders. Discussions surrounding such a matter may appear too delicate to some and have even acquired the status of an unofficial taboo. Yet, the future of our scholarship depends on the resolution of this issue, and thus it requires our understanding.

It is well known that in social sciences, the actions and speeches of heads of states, political leaders, and historical personalities are important analytical resources. It is therefore impossible to discuss any given process in Uzbekistan without referencing the actions and speeches of the president, which initiate and determine policy. Yet, these speeches should be studied as object of research. However, promoting genuine research is offered not through the search for "suitable" quotations, but through the substantial and responsible involvement of the academic in solving the problems with which the head of state addresses the academic community.

On equalization, competition and remuneration of labor in science

It is also necessary to eradicate dilettantism and profanity in academic work. But how to get rid of them and create drivers for the progressive development of science and education? How to make sure that true scholars receive support, and that those who cozy up to science and education feel uncomfortable?

Firstly, we need to move away from the idea of settling and create a competitive environment, with a system of incentives in order to inspire highly productive academic and pedagogical work.

One attempt to create a competitive environment came in the early 2000s, when the Academy of Sciences – following an internationally established approach – introduced grants from the State Committee for Science and Technology. However, the initiators of this transition did not

take into account that in foreign countries, grants are not the principal, but an additional form of financing of research! For example, a professor is entitled to a salary at a university and can additionally apply for a grant.

Upon the creation of the grant system, our universities found themselves in the same situation as foreign ones: professors received wages and simultaneously applied for grants. The institutions of the Academy of Sciences found themselves in a completely different situation: their employees were paid only if they were participants in a grant project.

Take the Institute of History, for instance. Its departments study history from antiquity to nowadays. These departments apply for grants. Let us imagine that one such grant failed to pass or was sharply reduced. So, what now – do we close the department? Omit learning antiquity or contemporary times? That would make it impossible to study the entire history of Uzbekistan. And what should the director do? The only correct solution is to, at his/her own risk, preserve the employees whose grant had not passed by putting them on the funds of other departments (at reduced rates, of course).

By relying solely on grants, the research of the Academy of Sciences turns into an eclectic collection of heterogeneous and short-term projects, which deprives them of any systematic and long-term effectiveness. A constant alternation of projects results in a situation where employees are willing to tackle any given topic just so as to remain part of a project. And what if their previous experience and qualification does not correspond to the given project? This eventually becomes meaningless: the academic ceases to ponder over his place and responsibility in science, instead developing the mindset of a temporary worker. This hinders continuity. In such conditions, it is difficult to rely on the gradual accumulation of achievements or any breakthroughs.

We are convinced that it is necessary to preserve the systematic nature of research, as well as the staff continuity of the Academy of Sciences. This can be achieved only with constant and direct state funding. At the same time, grant system will ensure the competitiveness of research teams and concentrate financial resources on certain priority areas. Then, universities and research institutes will be at the same level.

A competitive environment should be created not only among research teams, but among academics themselves. And here it is important

to change the criteria for assessing and stimulating academic and pedagogical work. In world practice, it has long been established that scholars with the same degree at times receive varying salaries, depending on some measurement of their academic “efficiency”.

History as capital

If we want talented young people to go into historical science, we also must pay attention to strengthening the prestige of the historian.

The significance of history lies not only in its lessons or knowledge. It is about history as capital – intellectual, political, cultural, and even economic. Until now, the potential of historical science to create discursive brands in Uzbekistan has not been deployed

The significance of history lies not only in its lessons or knowledge. It is about history as capital – intellectual, political, cultural, and even economic. Until now, the potential of historical science to create discursive brands in Uzbekistan has not been deployed. Again, this is a task of national importance, when all countries are struggling for their share of the world information space and for being positively perceived. It results in the development of tourism, historical cinematography, investment flows, the export of national culture and therefore of soft power to other countries. The use of historical science has the power to change many things: the perception of the country by other peoples, its status among peer states, the way youth believes in its country, and our future. Perhaps this is exactly why history is so important to all of us... from commoner to statesman.

References:

[1] “On measures to further improve the activities of the Academy of Sciences, organization, management,” Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan No. PP-2789 of February 17, 2017.

[2] On measures for the further development of the system of higher education,” Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan No. PP-2909 of April 20, 2017,

http://lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=3171587

[3] “On the organization of the Public Council on Contemporary History of Uzbekistan under the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,” Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. PP-3105 of June 30, 2017, http://lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=3251703

[4] “On the establishment of the Public Council on Contemporary History of Uzbekistan under the Ministry of Higher and Secondary Special Education of the Republic of Uzbekistan,” Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. PP-1694 of January 27, 2012, http://lex.uz/pages/getpage.aspx?lact_id=1950738

[5] “The time for celebrations has passed. On television, it is necessary to give critical and analytical materials,” *CA-News*, March 31, 2017, <https://ca-news.org/news:1373681>

[6] “On measures for the further development...”

[7] The question of interethnic relations around the world has become increasingly acute; hundreds of monographs and thousands of articles have been devoted to the matters of ethnicity and ethnic minorities. It is no coincidence that the Republican International Center was recently transformed into the Committee on Interethnic Relations and Friendly Relations with Foreign Countries. Uzbekistan is a multinational state, though the ethnic groups that inhabit it have never been the subject of systematic study. It is necessary that the Department of Anthropology and Ethnology of the Institute of History include ethnopolitics and the study of the ethnic diversity of Uzbekistan in its thematic scope.

Дискуссия: взгляды, комментарии и развитие идей

Статья вызвала широкий резонанс в Интернете, прежде всего, среди ученых. Поэтому авторы решили показать часть комментариев к ней, опубликованных как в самой *gazeta.uz*, так и на других сайтах, а также в социальных сетях.

Отбор комментариев носил выборочный характер по следующим причинам.

Во-первых, на некоторых сайтах отсутствует фильтрация, исключаящая нецензурную лексику, прямые оскорбления и т. д.

Во-вторых, ряд комментаторов скрываются под псевдонимами, в связи с чем в своих высказываниях они не придерживаются этнических норм. В данной брошюре приводятся лишь комментарии под псевдонимами, которые имели конструктивный характер и не переходили рамки дозволенных выражений.

В-третьих, в Интернете есть категория людей, которых называют «троллями», которые, как правило, выступают под псевдонимами и ставят своей целью не конструктивное обсуждение опубликованных материалов, а пытаются вылить как можно больше оскорблений в адрес авторов и перевести обсуждение научных идей в русло площадной брани и т. д.

В-четвертых, некоторые комментарии, как правило, в виде одного слова, фразы или «смайлика», ничего не значащие для понимания концептуальной позиции автора.

В-пятых, некоторые комментарии по трудно объяснимым причинам уводят «не в ту степь» и начинают затрагивать совершенно посторонние проблемы, не имеющие отношения к теме обсуждаемой в статье.

Комментарии к статье в gazeta.uz ⁹

Bekzod Tursumetov 26 июля 2017, 10:50

Представленный анализ положения исторической науки в нашей стране полностью отражает состояние науки в других направлениях – технических, медицинских, биологических и т.д. Спасибо авторам сообщения Д. Алимовой и В. Хан.

Тати Тати 26 июля 2017, 11:30

Спасибо за хорошую статью и правильное направление.

Лиля Брик 26 июля 2017, 11:55

История, она и есть история. Писать её надо так, как было на самом деле. Комментировать, трактовать исторические события можно по разному; исказить факты, в угоду временщикам, не надо.

Ergash Tursunov 26 июля 2017, 13:45

Очень полезная статья!

С другой стороны, новейшую историю – как историю постсоветского Узбекистана – еще нельзя считать наукой. Она все еще находится на стадии формирования. «Новейшая история Узбекистана» на самом деле является политической дисциплиной, которая меняется вместе с властью. Поэтому, основным предметом исторической науки должны быть древняя и средневековая история Средней Азии, в меньшей степени советская история, поскольку нам еще нужно время для переосмысления исторических событий советского строя, с его плюсами и минусами.

Бахром Дурманов 26 июля 2017, 15:35

Спасибо и авторам, и gazeta.uz за столь основательную и солидную статью. История нужна нам для будущего, для того, чтобы не наступать на одни и те же грабли; чтобы планировать и формировать свое будущее на крепком фундаменте исторического опыта и исторических знаний. Для хорошего здания нашего будущего

⁹ <https://www.gazeta.uz/ru/2017/07/26/history/>

нужен крепкий фундамент, и потому история должна быть объективной и независимой от сиюминутных тактических и разных политических ситуаций. Успехов нашим историкам!

Славик К. 26 июля 2017, 16:42

Две цитаты: «Возрождение знания русского языка среди студенчества – важная задача, без решения которой трудно ожидать прогресса в общественных науках. Последнее особенно важно для историков. Наша история последних 150 лет, хранящаяся в архивных фондах, задокументирована на русском языке, и без опоры на эти документы глубокое и доскональное изложение этой истории вряд ли возможно». Это необходимо сделать пока ещё не поздно. Можно много денег сэкономить!

И: «Многие публикации носят вторичный и комментаторский характер. В них трудно обнаружить самостоятельность мысли, творческие и новаторские подходы, аналитические прогнозы. Эти работы направлены не столько на решение сложных проблем, стоящих перед нашим обществом, сколько задним числом обосновывают текущую политику и изобилуют цитатами». Главное – написать.

Feruzha Shamukaramova (кандидат исторических наук, Институт истории АН РУз) 26 июля 2017, 17:08

Спасибо редакции gazeta.uz. Статья Д.А. Алимовой и В.С. Хана как никогда актуальна. В статье поднимаются вопросы давно наболевшие и интересующие, думаю, большую половину историков Узбекистана, работающих в вузах республики и одновременно занимающихся научной деятельностью. Кроме того, научные сотрудники Института истории давно обеспокоены той ситуацией, с которой сталкиваются диссертанты.

1) Это отсутствие Координационного совета по утверждению тем диссертаций. Раньше, подающий тему диссертации мог свободно прийти, обосновать свою тему, поспорить, получить квалифицированную консультацию, в результате чего диссертант получал откорректированную, конкретную тему и мог спокойно работать над ней;

2) Специализированный Совет, который отдали туда, где нет времени этим заниматься. А ведь с диссертацией и с диссертантом, который приехал из области, и у которого каждый день в городе стоит определенных затрат, необходимо работать, объяснять, как можно улучшить и обогатить работу, на которую он потратил несколько лет жизни.

3) И, конечно же, это финансовое положение НИИ. Каждый сотрудник Института истории в последний год проекта начинает думать – останется он в новом проекте или придется искать новое место работы. Естественно, это сказывается на качестве научных исследований. Поэтому все поставленные в статье вопросы необходимо решить так, чтобы лучше было исторической науке!!!

Va Nya 26 Июля 2017, 17:33

Статья хорошая, конечно, но не согласен я в некоторых вопросах с авторами. Зачем технарю история, философия? Обычно у технарей проблемы с гуманитарными науками, и для них суший ад учить их. Я сам как технар, а по образованию ещё и преподаватель, могу сказать, что за всё время работы по технической специальности мне они негодились. Их можно сделать как факультатив. Лучше бы в технических вузах на технические предметы налегали люди, расширили сеть практик и лабораторий, а никому ненужная история — это для школы. Тем более историю всегда переписывает власть.

Анвар Касымходжаев 27 июля 2017, 09:31

Очень актуальная тема поднята авторами статьи Д. Алимовой и В. Ханом. Некоторые вопросы касаются в целом развития науки вообще, особенно академическая оценка диссертационных работ. Не пора ли закрыть ВАК, а решение Ученого Совета Университета или АН считать окончательной? Просто надо использовать более жесткие критерии при приеме диссертационных работ (публикации в авторитетных международных журналах).

Tair Gyul (Институт истории АН РУз) 27 июля 2017, 12:15

Уважаемый Va Nya, авторы в своей статье уже ответили кратко на вопрос «зачем «технарю» история, философия или литература?». Развивая их ответ – чтобы человек-технар не ограничивал своё

умственное и духовное развитие точными науками. Некоторые вещи гуманитарных наук (истории, литературы и т.д.) не знать – действительно не правильно, так как они являются общечеловеческим достоянием. Всегда лучше иметь немного больше информации, чем немного меньше. Гуманитарные науки учат думать, размышлять, чувствовать. Говоря об их ненужности подумайте о том, что их ценность и важность для человеческого общества была проверена временем, и это тоже – история.

Существует такая проблема гуманитарных предметов в учебных заведениях – их преподают в отрыве от жизненных ситуаций, из-за чего у учащихся они не вызывают интереса. Между тем, изучение философии, литературы и психологии, этики, должно помогать учащимся разбираться в самих себе и в окружающих людях, строить отношения, решать внутренние конфликты, жить не просто сиюминутными удовольствиями и проблемами. История – это опыт тысяч поколений, примеры для подражания и предостережения от ошибок.

Я историк, работал в техническом ВУЗе преподавателем – как минимум косноязычие, неумение сформулировать свои мысли и чувства многих студентов, пренебрегающих чтением, невежество даже в области школьной программы – спросите ещё раз, зачем нужны гуманитарные науки. Мне вот не пригодились в жизни ни физика, ни химия, но я не делаю из этого вывод, что «они никому не нужны».

Невозможно построить развитое человеческое общество лишь на основе технического прогресса. Образно говоря, можно посадить медведя на мотоцикл, а обезьяну за печатную машинку, но работать в этом коллективе вы вряд ли захотите. Фраза «никому не нужная история» – элементарно глупа. Именно благодаря незнанию собственной истории, ограниченные люди восприимчивы к любой глупости, уверенно сказанной харизматичным человеком с трибуны. Отсюда – русские фашисты, исламисты-фанатики, не знакомые ни с Кораном, ни с историей/традициями ислама, европейские либералисты, изживающие патриархальные христианские традиции, на основе которых выросло и устояло их общество. Примеров немало. И если вы уверены, что историю пишет власть – если вы не

доверяете источнику, ищите новый, сравнивайте и анализируйте; благо в наше время возможности к этому не ограничены.

Va Nya 27 июля 2017, 15:57

Tair Gyul, эк вы загнули милейший. Пряма все дружными рядами устремимся в гуманитарный рай. Я учился в техническом универе и могу смело заявить, что проблема косноязычия кроется в том, что люди (не сами туда поступили))). Я учился с людьми в русской группе, в которой почти никто не говорил по-русски, да и с узбекским у них проблемы были))), и да история у нас была целый семестр, из нескольких групп только я там распинался всю пару, а все за деньги закрыли. Препад кстати по истории был классный. Материал давал не только по утвержденной программе, но и сверх меры. А людям на него было глубоко наплевать. А почему? Отвечу словами своего однокурсника: на базаре история не нужна)

Tair Gyul (Институт истории АН РУз) 27 июля 2017, 18:17

Va Nya, на базаре, милейший, и физика-химия ваша никому не сдалась – там хватает математики за 3-й класс. Но мир не ограничивается базаром, в отличие от многих людей. То, что труд преподавателей, особенно гуманитариев, у нас в стране зачастую неблагодарен и тяжок, это уже другой вопрос, как и проблема коррупции. И коррупция, «зачёт за денежку» – не причина невежества, а последствие. Гуманитарный рай – нелепая гипербола, которую я и не подразумевал. Важность гуманитарных предметов для общества проверена временем. Опять таки, уровень их развития демонстрирует социальный и экономический уровень развития общества; длительное время в истории науки, что гуманитарные, что естественные и точные, были уделом узкой социальной группы, когда гонимой, когда правящей. Наше общество пока что живёт базаром, — плохо, но это ещё не приговор. И история у нас в республике жива, немало достойных учёных и хороших преподавателей, которые работают несмотря на непростые условия. Также, в университетах Европы, Америки, Восточной Азии, немало учёных, которые изучают историю, культуры, археологию Средней Азии, в том числе Узбекистана, приезжают с исследовательскими целями, работают с нашими учёными. В Каракалпакстане работает археологическая

экспедиция, совместно с австралийскими (!) археологами. Я в свою очередь знал пару “технарей” – пожилых людей, инженеров, которые неплохо разбирались в истории. Это как минимум вызывало уважение к их кругозору.

Svetlana Karimova 27 июля 2017, 18:43

Уважаемый Va Nya. Вопрос о том, зачем технарю гуманитарные науки актуален среди студентов всех технических ВУЗов. Предположим, что для технарей все гуманитарные предметы упразднят. Скажется ли это на качестве образования таких студентов, которых Вы привели в качестве примера? Думаю, им всё равно какой предмет изучать или не изучать, поскольку они пришли не за знаниями, а за аттестатом. В то же время, Вы, как вы описали, прилагали много усилий для изучения этих предметов и они не оказали отрицательного влияния на Ваши знания по техническим дисциплинам. Если учесть, что все науки зародились из одной гуманитарной науки – философии, вопрос о необходимости изучения этих наук возникать не должен. Кроме того, ВУЗовское образование предполагает, что какая-то часть студентов впоследствии будет заниматься наукой, а значит, им необходимы фундаментальные знания, чтобы анализировать исследования, делать выводы, искать новые пути и принимать решение, насколько его работа будет полезна обществу. Конечно, для того, чтобы закручивать гайки или ремонтировать компьютеры, гуманитарные знания не пригодятся, и в этом случае, Вы правы. Но, во-первых, мы не роботы, чтобы выполнять только какие-то узкоспециализированные задачи, а, во-вторых, мы постоянно применяем гуманитарные знания в повседневной жизни, не задумываясь об этом: обсуждая политическую или экономическую ситуацию, сидя в чайхане с друзьями, давая советы, касающиеся жизненных ситуаций, отстаивая свои права, или, доказывая поставщикам коммунальных услуг, что долгов по платежам у нас нет. Я тоже работаю в техническом ВУЗе и не могу сказать, что все студенты обожают историю или право. Но, иногда, некоторые из них приходят проконсультироваться по каким-то жизненным вопросам. На мой взгляд, это показатель нужности гуманитарных предметов в жизни.

Равшан Назаров (кандидат философских наук, Институт истории АН РУз) 29 июля 2017, 13:46

Мне кажется, история (как и все социально-гуманитарное направление науки – философия, социология, политология, искусствознание и т.д.) не нуждаются в том, чтобы повседневно доказывать свою нужность и необходимость! А узкие спецы — на то они и узкие, что не могут смотреть на мир широко! Среди моих родных и близких преобладают гуманитарии, но есть биологи, инженеры, врачи, военные. И никому из них не надо доказывать важность и необходимость гуманитарного знания! Это только Шерлок Холмс мог гордиться тем, что понятия не имеет о том, кто такие Коперник и Дюма! но на то он и был Холмс, заточенный только под одну узкую задачу – сыск! А нормальному человеку без гуманитарного знания – никуда! Это даже не требует доказательств!

Азамат Сейтов (кандидат социологических наук, Национальный университет Узбекистана) 29 июля 2017, 16:27

С удовольствием прочитал статью. Хочу отметить, что поднятые в ней проблемы характерны и для других гуманитарных наук, например, социологии. Поэтому считаю важным, чтобы авторы не остановились на этом, а постарались выйти за рамки истории и дали свое видение развитие общественных наук в дальнейшем. Это тем более интересно, что наша страна переходит в качественно новый этап реформ, а значит нуждается в качественном научном осмыслении.

Азамат Сейтов (кандидат социологических наук, Национальный университет Узбекистана) 29 июля 2017, 16:29

Кстати, добавлю к своим поздравлениям газете.uz и авторам поздравления с хорошей статьей. Ее актуальность подчеркивается тем, что статья уже живет своей жизнью на просторах Интернета. Так, статью за несколько дней перепечатали в <http://centrasia.ru>, <http://mytashkent.uz>, <http://breakingnews24.ru>, <http://new.ia-centr.ru> и другие сайты. И, конечно же, она гуляет по фэйсбуку. Например, она вызвала положительные отклики в группе фэйсбук «Социологи Узбекистана». Успехов всем!

Lonfren Lanfa (системный аналитик, г. Москва) 31 июля 2017, 18:30

Грантовой системы в чистом виде нигде не существует. Это, кажется, местное ноу-хау, от которого надо уходить. А вопрос оплаты труда в науке актуален не только для Узбекистана, но и для России и всего СНГ, как впрочем и для многих других стран. Выработать индексы КПД, как предлагают авторы, нелегко – наверное для естественных, технических, медицинских и гуманитарных наук они будут разными, – но это верное направление.

Fil Tyshkevich 27 августа 2017, 17:44

Замечательная, реалистичная, трезвая статья.

Жанна Сон (кандидат исторических, доцент Высшей школы экономики, г. Москва) 6 сентября 2017, 00:17

Честно и объективно. Затронуты самые большие точки высшего образования и науки на всем постсоветском пространстве.

Tamara Troyakova (кандидат исторических наук, зав. кафедрой международных отношений Дальневосточного федерального государственного университета, г. Владивосток) 6 сентября 2017, 11:55

Вопросы изучения и преподавания гуманитарных наук являются важными для любого сообщества. В условиях глобализации для образованного и успешного профессионала в любой отрасли важны soft skills. Публикации подобных статей отражают печальное состояние, в котором пребывает история не только в Узбекистане, но и в других странах. Для создания транснационального академического пространства советую организовать публичную дискуссию с участием представителей из разных стран. Как я говорю своим студентам, если есть проблема, то надо создать институцию. В данном случае, можно устроить конференцию. В любом случае, комментарии на статью позволяют определить круг участников такого мероприятия. Удачи коллегам из Узбекистана из Дальневосточного федерального университета, в котором много студентов из Узбекистана.

Ирина Шилкина (кандидат философских наук, г. Москва) 6 сентября 2017, 22:19

Хочется поддержать Дилором Алимову и Валерия Хана с их публикацией. Очень своевременная статья, как нельзя правильно и точно отражающая современные проблемы всей высшей школы и исторического знания, в частности. Тема, поднятая авторами, актуальна не только для научного сообщества Узбекистана, но и для всего постсоветского пространства, где история как наука и как преподаваемый предмет в высшей школе осталась одной из самых уязвимых областей знания. Сегодня мы должны признать как аксиому, что история является одной из базовых дисциплин всего гуманитарного знания, да и не только. Без анализа истории общества, в котором мы живем, невозможно движение вперед. При этом нельзя забывать, что история – наука точная, основанная на фактах, закрепленных в архивных материалах и серьезных научных исследованиях. Необходимо максимально сделать доступными архивные материалы, распрощаться с историческими мифами, обратить внимание на западную историографию. Авторы статьи совершенно справедливо указывают и на необходимость преодоления цеховой замкнутости гуманитарных наук.

Russell Zanca (PhD in Cultural Anthropology, Prof. Northeastern Illinois University, Чикаго, США) 7 сентября 2017, 00:39

Ia ocher' rad chitat' takuiu moshchniu stat'iu v vazhnoi gazete Uzbekistana. Kak etnograf iz USA, kotoryi provel mnogo mesiatsev v raznikh mest' Uzbekistana ot 1992-ogo do 2010 goda, eto prosto otlichno i polezno videt' takie mysly vyrazaiutsia otkryto i otkrovenno uvazhaemikh predstavlennikov R. Uzb. Akad. Nauk. Spasibo kollegi! (Пад прочитать такую мощную статью в уважаемой газете Узбекистана. Как этнограф из США, который провел много месяцев в разных местах Узбекистана с 1992 по 2010 гг., могу сказать: это просто отлично и полезно видеть, что такие мысли выражаются открыто и откровенно уважаемыми представителями Академии наук Узбекистана. Спасибо, коллеги!).

Andrey Ivanov (доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Алтайского государственного аграрного университета) 7 сентября 2017, 14:56

В статье подняты проблемы исторической науки, актуальные и для других стран, в том числе и для России. Авторы правы, что историю надо рассматривать целостно, во всей ее многомерности и противоречивости, а не раскрашивать черно-белой краской. Любая крайность спровоцирует в будущем другую крайность. Правы авторы и в том, что такая целостная научная история – это большая культурная ценность. Целостное научное видение истории свидетельствует о духовном здоровье всего общества, а также служит важнейшим отличием культурного и широко мыслящего человека от обывателя. Успехов авторам.

Ирина Надуткина (кандидат социологических наук, профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного университета) 7 сентября 2017, 20:27

Материалы статьи Дилором Алимовой и Валерия Хана, доводы, приведенные в ней, на наш взгляд, достаточно актуальны; статья действительно своевременная, достаточно точно отражающая современные проблемы всей высшей школы и исторического знания, в частности. Вопросы изучения и преподавания гуманитарных наук являются важными для любого сообщества. Авторы напоминают нам, что в отличие от естественных и технических наук история связана с жизнью и судьбами людей. И в создавшейся ситуации, в том числе и на международном уровне, эти отношения требуют очень вдумчивого и аккуратного к ним отношения! Проблемы в ряде случаев, конечно, носят глобальный характер. Так в частности опять соглашусь с авторами в том, что «проблема не только в том, что мы плохо знаем зарубежных ученых, но и в том, что нас плохо знают за рубежом»! Это действительно актуально на всем постсоветском пространстве!!! И не только для историков, но практически и для всех общественных наук, например, социологии. Хочется надеяться, что временные рамки дадут нам возможность реанимировать связи между однокашниками и соратниками в научной деятельности разных стран и регионов мира! Авторам данной статьи хочется пожелать “выйти” за рамки истории и дать свое видение развития общественных наук в

расширенном научном пространстве общественного знания, актуальность, которого на наш взгляд будет только возрастать.

Эдвард Ким (предприниматель, г. Москва) 13 сентября 2017, 21:48

Полезная и главное своевременная статья. Спасибо авторам!

Nikolay Bugay (доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва) 19 сентября 2017, 12:38

Авторы обратились к давно наболевшему вопросу – сущности истории и ее значения. Вопрос «зачем», несомненно, обозначен давно. Но сущность – проблема. Эта сторона постоянно подвергается сомнению. Гражданин любого государства просто обязан знать его историю, в противном случае он совершенно недоразвитый умственно человек. Его никто не заставляет знать все дискуссионные стороны проблемы, это дело ученых историков. Поставлена острая проблема – защита диссертаций, организация защиты и вытекающие из этого последствия требуют реформы. В самом процессе по-прежнему действует телефонное право, опора на знакомство и прочие ухищрения, чтобы протаскивать в науку далеких от этого направления личностей, даже недостойных, особенно управленцев. Здесь вообще хамство. Блат! Это особенно отмечается при защите чиновников высших эшелонов власти. Здесь просто бляение. К примерам не следует обращаться, просто в этом утонешь.

Такое явление как отзыв на автореферат давно отжило себя. Пишут сами же диссертанты. Это ситуация известна в ВАКе, но делают все хорошую мину при плохой игре. Актерство. Авторы статьи ставят как бы заслон всему этому. Нет ответственности Ученого совета, которой, порой, не обращает внимание даже на те положения, которые выставляет автор на защиту – основу основ. Идет туфта. Правда, авторы настоящей статьи это базируют на своем государстве. Но суть характерна для всех стран бывшего Союза ССР. Не является исключением в этом и Россия. К сожалению! Интересно, чем все эта дискуссия завершится?

Valeriy Khan (кандидат философских наук, Институт истории АН РУз, Национальный университет Узбекистана) 1 октября 2017, 13:36

Сначала статью перепечатавали русскоязычные сайты. Но ее заметили и за рубежом, о чем говорит комментарий профессора из Чикаго, а также многочисленные лайки на пост на моей страничке в Фэйсбуке из самых различных стран – России, Казахстана, Болгарии, Великобритании, США, Южной Кореи, Индии и др. И вот новостью-сюрпризом: статья (с ссылкой на gazeta.uz), в первоначальной расширенной версии, по инициативе Центрально-азиатской программы Института европейских, российских и евразийских исследований Университета Джорджа Вашингтона (Central Asia Program of the Institute for European, Russian and Eurasian Studies at The George Washington University, USA) переведена на английский язык и опубликована на сайте программы: <http://centralasiaprogram.org/archives/11188>

Slavomir Horak (PhD., Department of Russian and East European Studies, Institute of International Studies, Faculty of Social Sciences, Charles University, г. Прага, Чехия) 6 октября 2017, 14:16

Статья отлично анализирует все болевые точки современной исторической науки в Узбекистане. Можно только приветствовать инициативу воссоздания Института истории АН, у которого были бы возможности привлечения качественных сотрудников, включая молодых аспирантов. По моему личному опыту, Институт истории, вместе с Институтом Востоковедения, считался одним из немногих узбекских научных учреждений в области гуманитарных наук, которые старались (при всех препятствиях) поддерживать качественные исследования, научную деятельность, выходящую на мировой рынок, не препятствовали возможностям стажировок своих сотрудников и аспирантов, которые давали научный и (не на последнем месте) значительный материальный стимул. В этом смысле можно видеть главные задачи современной (и не только) исторической науки в Узбекистане:

– Систематизация заработных плат научных сотрудников. Нынешняя практика основана на грантах (как в статье отмечено) и не

соответствует мировой научной практике. Сотрудник может не иметь временный специальный проект, но он работает и публикуется. Может быть, что основная ежемесячная зарплата будет не совсем высокая (однако должна соответствовать зарплатам людей с университетским образованием, а не зарплате торговца на базарах), но сотрудник поощряется существенным повышением денег в случае публикаций (см. дальше), участием в зарубежных конференциях, работой с аспирантами и т. д. Получение грантов не может быть единственным источником дохода научного сотрудника. Здесь полное согласие со статьей.

– Усовершенствование системы получения научных званий, в частности кандидатских званий, которые должны соответствовать общемировой степени Ph.D. Во многих учреждениях (в т. ч. и в Институте Истории) процедура получения титула к. и. н. часто равна процессу получения Ph.D. в стандартных мировых учреждениях, однако данную практику было бы хорошо внедрить для всех институтов АН УЗ и ВУЗов и исключить аспирантуру там, где местные работы не соответствуют требованиям.

– Беспрепятственный обмен ученых с зарубежными учреждениями и их участие на международных конференциях. Всегда стыдно, что на таких форумах как Central Eurasian Studies Society (глобальные или региональные встречи) большинство выступлений по Казахстану или Кыргызстану (от зарубежных или местных научных), гораздо меньше по Таджикистану, несколько по Узбекистану и почти никто по Туркменистану. В этом смысле прогресс видится уже на нынешнем этапе, когда на конференции CESS 2017 представлено 8 участников из РУЗ и на региональной конференции в Бишкеке их представлено даже на 3 сотрудника больше.

– Кстати, в будущем было бы целесообразно, чтобы одна из международных конференций CESS или ESCAS (European Society for Central Asian Studies) прошла в Узбекистане в свободных академических условиях. С этим связана до сих пор существующая советская практика организации разных конференций и форумов, которые имеют скорее идеологический, нежели научный характер.

– Выпуск статей сотрудников в международных журналах (хотя бы на русском, со временем желательно на английском). Публикация

в данных журналах должна быть также адекватно вознаграждена идеально прозрачной системой, которая дает больше денег тем, кто 1) публикуется в хороших изданиях и 2) публикует научные монографии, которые по прежнему считаются основой исторической науки.

– Доступность научных журналов таких как O'zbekiston tarixi (считающийся форпостом узбекской исторической школы) через научные базы данных (напр. EastView) с которыми сегодня работает большинство ученых.

– Открытие общенаучной дискуссии о том, как построить историческую науку, какие ее основные направления и как деидеологизировать весь процесс создания истории Узбекистана. В этой связи есть ряд успешных проектов, которые уже осуществляются. Хорошо, например, что в свет постепенно выходит фундаментальная «История Узбекистана», которая, может быть еще сохраняет прежние элементы советской и постсоветской исторической науки, но она все же является шагом вперед.

В целом желаю, чтобы у узбекской исторической науки было больше таких трезво думающих людей и их молодых аспирантов.

Комментарии к статье на других сайтах, в социальных сетях и e-mail сообщениях

Alexander C. Diener (Associate Professor, University of Kansas) 21 июля 2017, 21:51 (e-mail сообщение)

Замечательная статья! Я ее перешлю другим.

Lyubomir Gibinsky (президент компании, г. София, Болгария) 26 июля 2017, 12:50 (Facebook)

Я бы подумал над темой о грантах в следующем аспекте - гранты оправданы (хорошо работают) в прикладной науке. История в этом смысле имеет прикладную сторону, но не должна исчерпываться этим. Политики могут (и часто это делают?!?) ставить "задачи" только "прикладной" истории, иначе ИСТОРИЯ превращается в слугу сильных дня. Решение проблемы – независимость АН при расходовании бюджета и полная прозрачность процесса его определения и

расходования. Фундаментальная наука не может быть приходя-
источником, она на первый взгляд - затратная. Но - "Кто не кормит
свою армию - тому придется кормить чужую!".

Абдуллаев Евгений (кандидат философских наук, главный
редактор журнала «Восток свыше») 26 июля 2017, 15:37 (e-
mail сообщение)

Очень содержательная, точная и объективная статья. Прочел с
удовольствием.

Тимур Козырев (эксперт Международной Тюркской академии,
Астана, Казахстан) 26 июля 2017, 16:01 (e-mail сообщение)

Дилором Агзамовна, Валерий Сергеевич!

Большое спасибо вам за интересную статью.

Полностью согласен с вашими ключевыми положениями.

Сама ваша метафора "гравитационной силы" - тоже очень яркая и
точная.

Со своей стороны хочу поделиться публикацией. Эта моя
брошюра под названием "Независимый Казахстан: борьба за прошлое
(Актуальные проблемы современной казахстанской историографии)",
составленная из нескольких статей разных лет, вышла в 2013 г.

Некоторые моменты (что касается фактажа) устарели, но в целом,
мне кажется, по-прежнему актуально.

Лейла Джураева (кандидат философских наук, доцент филиала
МГУ в Ташкенте) 26 июля 2017, 19:56 (e-mail сообщение)

С огромным удовольствием прочитала Вашу статью. Очень
смелая и своевременная, касается актуальных вопросов развития и
формирования не только исторической науки, но в целом всех
гуманитарных дисциплин. Очень ценное замечание по поводу
преподавания этих наук в вузах и необходимости развития
междисциплинарных связей. Большое спасибо.

Иофе Валерий Григорьевич (Национальный университет
Узбекистана), <http://www.mytashkent.uz> 28/07/2017, 11:50

Статья – как и все, что когда-либо писалось в истории - написана
в определенное время и в определенную эпоху... Это неизбежно, так

всегда было и так будет...Что касается содержания статьи, то в основном все в ней написано здраво, правильно, соответствует реальному положению дел и статья содержит вполне объективные в целом оценки! Да, может быть, можно было дать некоторые конкретные примеры – во всяком случае – больше, чем в статье; в каком-то плане статья – как впрочем любое «сочинение» - не лишена субъективных элементов, может быть, известного увлечения «ультрамодной» научной терминологией, но это все же моменты третьестепенные; в целом же это толковая, здравая и справедливая статья.

Urman <http://www.mytashkent.uz> 29/07/2017 в 21:57

К сожалению, при обсуждении статьи не замеченным остался главный вопрос, поднятый в ней, а именно – если научно-исследовательские институты хотят остаться академическими и избежать обратной передачи их университетам, необходимо изменить систему их финансирования. Содержание академических институтов только с помощью грантов невозможно. Гранты успешно работают как дополнительный источник финансирования, например, преподавателей университетов, с целью решения проблем, интересующих того, кто даёт гранты. Лакуна в поступлении грантов может привести к закрытию института или лаборатории, а такие научные организации нельзя каждый год открывать и закрывать. С другой стороны, постоянная финансовая поддержка институтов даже в те временные интервалы, когда необходимости в их работе нет, может лечь тяжёлым бременем на тех, кто оказывает эту поддержку. Именно по этой причине большинство академий даже самых развитых стран не имеет научных подразделений, ведущих дорогостоящие фундаментальные исследования. С этой точки зрения приходится делать выбор и предпочтение отдавать наиболее важным для грантодателя институтам. Разумеется, для любого государства институт истории должен входить в число наиболее приоритетных.

Куврук <http://www.mytashkent.uz> 29/07/2017 в 22:40

Это разумно. Но остается существенный вопрос – модель развития академической науки. Финансирование – вопрос важный, но в данном случае – второстепенный. Следует определиться с моделью.

В вашем варианте предусматривается смешанная модель, условно назовем ее советско-западная, допускающая сосуществование и академических исследовательских институтов, и высших учебных заведений (имеющих в своем составе научные центры), выполняющих исследовательские задачи. Вполне очевидно, что советская модель отраслевых НИИ в условиях свободного рынка себя исчерпала. Она была оптимальна для плановой экономики. Остается западная модель – крупные университетские центры, которые имеют профильные научно-исследовательские подразделения, лаборатории и пр. Финансирование таких университетских центров осуществляется из собственных источников (университеты это большие бизнес проекты). Гранты, о которых вы упоминали, в действительности не что иное как бизнес транзакции между университетскими центрами с одной стороны, и государством и частным бизнесом – с другой. Остается вопрос – существует ли в Узбекистане такой уровень научных и технологических исследований, который обратил бы на себя внимание узбекистанского бизнеса и государства, готовых в эти исследования вкладывать деньги. Ответа может быть два – да, есть, но тогда снова вопрос – а существует ли в стране бизнес, заинтересованный в финансировании и использовании результатов исследований. Если такого уровня нет, то вопрос отпадает сам собой. Может быть еще один вариант – уровень есть, а потребителя в стране нет, тогда остается одна надежда на внешний рынок. Но сможет ли узбекистанская наука конкурировать за пределами национальных границ. Это будет очень сложно, т.к. конкурировать с западными университетами давно интегрированными в мировую экономическую систему, обладающими крупными капиталами, опытом, поддержкой правительства будет практически невозможно. На этой ниве конкурентов не любят. Вопрос – что же делать дальше, лучше доверить авторам статьи и их коллегами, пусть проявят свои знания, изобретательность и трезвое видение современного мира. Освободившись при этом от иллюзий и фантазий... и постепенно забывая это сладкое слово «грант».

Для отраслевых НИИ финансирование не второстепенный, а первостепенный вопрос, впрочем, как и для академических институтов.

1. В советское время все академические институты Узбекистана финансировались из Москвы. Деньги выделялись на все исследования, от истории добровольного присоединения Средней Азии до космических разработок и «звёздных войн». После развала Союза финансирование прекратилось. Содержание десятков научно-исследовательских институтов легло тяжёлым бременем на бюджет республики. Наивно предполагать, что то, что было по плечу второй сверхдержаве, окажется по силам республике, не входящей даже в первые несколько десятков экономик мира. Тогда и была введена грантовая система, цель которой было не столько «сохранение высоты полёта», сколько обеспечение «мягкой посадки». В течение нескольких лет основные академические институты были фактически ликвидированы, и последним шагом стала передача оставшихся другим организациям.

2. Сейчас принято решение возродить академические институты. Ясно, что это решение должно подкрепляться изменением системы финансирования; расчёт на то, что эти институты окупят себя сами, наивен. Никогда ни в одной стране мира фундаментальная наука не могла содержать себя сама. Другое дело, что её результаты через десятки лет могут принести тысячекратную прибыль (или, как в случае с опытами Фарадея, миллиардократную), однако в момент проведения исследований фундаментальная наука требует внешнего финансирования.

3. Ошибочно также мнение о том, что необходимо оставить только те исследования, за которые можно получить Нобелевскую премию. Можно провести следующую аналогию – для жизнедеятельности нужен кислород, который составляет меньше двадцати процентов воздуха, но оставшийся азот и другие компоненты образуют атмосферу, позволяющую развиваться жизни.

4. В Узбекистане финансирование следует выделять в первую очередь тем направлениям, которые должны развиваться главным образом узбекскими учёными. Это, прежде всего, история, археология, узбекская филология, биоразнообразие республики,

геология рудных месторождений республики, вопросы добычи и переработки полезных ископаемых и много другое. И это финансирование должно быть долгосрочным и устойчивым.

John Heathershaw (PhD., University of Exeter, Великобритания) 7 сентября 2017. 2:11 PM (e-mail сообщение)

Я послал вашу статью некоторым коллегам. Марианна Камп, профессор Индианского Университета, предложила перевести статью на английский язык. Мы можем опубликовать перевод на сайте Central Eurasian Studies Society <http://www.centraeurasia.org/>

Kamp, Marianne Ruth (PhD., Associate Prof. Indiana University, США). 6 сентября 2017, 14:15 (e-mail сообщение и рассылка ведущим зарубежным специалистам в области центрально-азиатских исследований; перевод на русский язык прилагается)

Heathershaw, John <J.D.Heathershaw@exeter.ac.uk>; John Schoeberlein (johnschoeberlein@gmail.com) <johnschoeberlein@gmail.com>; Beatrice Penati (bpenati@nu.edu.kz) <bpenati@nu.edu.kz>; Alexander Morrison (alexander.morrison@nu.edu.kz) <alexander.morrison@nu.edu.kz>; Aadeb Khalid <AKhalid@carleton.edu> (AKhalid@carleton.edu) <AKhalid@carleton.edu>; Liu, Morgan (liu.737@osu.edu) <liu.737@osu.edu>; Nick Megoran (nick.megoran@newcastle.ac.uk) <nick.megoran@newcastle.ac.uk>; Douglas Northrop (northrop@umich.edu) (northrop@umich.edu) <northrop@umich.edu>; Ed Schatz <ed.schatz@utoronto.ca> (ed.schatz@utoronto.ca) <ed.schatz@utoronto.ca>; Deniz Kandiyoti (dk1@soas.ac.uk) <dk1@soas.ac.uk>; madeleinereeves@gmail.com; Alexander Cooley (acooley@barnard.edu) <acooley@barnard.edu>; Markowitz, Lawrence P (markowitzl@rowan.edu) <markowitzl@rowan.edu>; Eric McGlinchey <emcglinc@gmu.edu> (emcglinc@gmu.edu) <emcglinc@gmu.edu>; David W. Montgomery (University of Pittsburgh) (dwm@pitt.edu) <dwm@pitt.edu>; Peshkova, Svetlana (S.Peshkova@unh.edu) <S.Peshkova@unh.edu>; Rasanayagam, Dr Johan (johan.rasanayagam@abdn.ac.uk) <johan.rasanayagam@abdn.ac.uk>; Tim Epkenhans (tim.epkenhans@orient.uni-freiburg.de) <tim.epkenhans@orient.uni-freiburg.de>; Botakoz Kassymbekova

(b.kassymbekova@gmx.net) <b.kassymbekova@gmx.net>; Ali Igmen
(Ali.Igmen@csulb.edu) <Ali.Igmen@csulb.edu>

Hi all:

This is a defense of the idea of academic history in Uzbekistan, and a call for a bunch of changes, including better funding for scholars going abroad.

Summary of key points up to the section JH was asking about:

The authors criticize the fact that the History Institute of the Academy of Sciences was radically reduced in funding in "recent years", its personnel dispersed to universities and told they must teach. In particular they note that ancient history was entirely defunded and joined with medieval--which runs all the way to mid-19th century. History, they say, addresses every sphere of human life.

They are immensely cheered by the fact that a recent decree from Spring 2017 essentially re-establishes the Institute and provides funding for scholars there.

Scholars whose time is taken up teaching have had to treat things like providing expertise on dissertations as a sideline, and attention to the quality of dissertations has suffered. They hope that the newly organized Agency on Science and Technology within the Cabinet of Ministers will address this issue.

Hours devoted to history in higher education have fallen, and that is a problem. In lower grades a student learns facts, but in higher education, they learn historical thought--important in an age of globalization and because students are citizens--and they offer arguments on the importance of humanities in societal and individual development.

Uzbekistan has excellent scholars, recognized, but many publications still seem to operate in Soviet style, with cliches, a collection of facts, and so on. "The President of Uzbekistan made known his attitude toward this issue as a varnishing of reality in mass media." Discussions of the Soviet period "threw the baby out with the bathwater," and work addressing the independence period did not openly address issues.

Much of our scholarship does not interact with scholarship from outside of Uzbekistan or cites it in only formal ways, not integrating our work within the larger world. Major works in history (like Bloch, Braudel) or anthropology (Anderson, Barth) should be translated into Uzbek. And

we need a reawakening of knowledge of Russian. The problem is not only that we don't know foreign works, but that they don't know ours. It is sufficient to pick up recent scholarship about Uzbekistan and one can see that the citations to Uzbekistan's scholarly works are less than minimal.

Our procedures for permission to present at conferences abroad are far too complicated and hinder scholars. The Presidents April 20 declaration called for better integration with the world, and that requires simplifying matters for our scholars to go abroad (and for foreign scholars to come here). As an example, at ESCAS in Zurich 2015, there were three times as many participants from Kazakhstan as from Uzbekistan, and a panel on history of statecraft in Central Asia featured only scholars from Kazakhstan--as though we don't have that as a major focus of research in Uzbekistan! Similarly, at the CESS conference in New Jersey, 2017, the contingent from Kazakhstan was seven times larger than that from Uzbekistan. These are very important scholarly fora, and our participation in them is important not only to our reputation in the world, but also because the center of attention includes Uzbekistan itself. So we need more government support for participating in such international conferences.

Then there is a section on the need for interdisciplinary knowledge, a call for abandoning citation for the sake of citation, implying among other things not always bringing in the speeches of the president. Then on the instability and paucity of grant-based funding, and so on.

The commentary on CESS and ESCAS is not a critique of the organizations--far from it. They are arguing that these are really important international fora, and Uzbekistan is under-represented. The authors are pointing out to the Uzbek gov't that its own processes and lack of funding mean that Uzbekistani scholars cannot interact in the ways that Kazakhstani scholars can. They are using the contrast to try to leverage a couple of changes in Uzbekistan's visa process and funding.

I talked with Alimova about these changes at CESS Bishkek, and she genuinely thinks that things are opening up.

Marianne Kamp
Associate Professor
Central Eurasian Studies
Indiana University)

Перевод:

Привет всем:

Это защита идеи академической истории в Узбекистане и сигнал на множество изменений, включая более лучшее финансирование для ученых, выезжающих за рубеж. Резюме ключевых точек:

Авторы критикуют тот факт, что финансирование Института истории Академии наук было радикально сокращено «в последние годы», его сотрудники были рассеяны по университетам, т. к. им было сказано, что они должны преподавать. В частности, авторы отмечают, что древняя история была полностью лишена финансирования и присоединена к средневековой истории, которая длится вплоть до середины XIX века. История, они говорят, затрагивает все сферы человеческой жизни.

Авторы приветствуют тот факт, что недавний указ от весны 2017 по существу восстанавливает Институт и обеспечивает его финансирование.

Ученым, которые заняты преподаванием, пришлось столкнуться с такими вещами, как освоение профессиональных знаний по диссертации в качестве второстепенного дела, в результате чего внимание к качеству диссертаций пострадало. Авторы надеются, что недавно организованное Агентство по науке и технологиям при Кабинета министров обратит внимание на этот вопрос.

Сократились часы, посвященные истории в системе высшего образования, и это является проблемой. На нижних ступенях ученики изучают факты, но в системе высшего образования они обучаются историческому мышлению, которое имеет важное значение в эпоху глобализации, поскольку студенты являются также гражданами страны. Авторы приводят аргументы о важности гуманитарных наук для общественного и индивидуального развития.

Признается, что в Узбекистане есть отличные ученые, но многие публикации по-прежнему написаны в советском стиле, на основе клише, совокупности фактов и так далее. «Президент Узбекистана выразил свое известное отношение к такому вопросу как лакировка действительности в средствах массовой информации». Дискуссии о советском периоде «выбросили ребенка вместе с водой», и работы по периоду независимости не рассматривают проблемы открыто.

Авторы пишут, что многие наши гуманитарии не взаимодействуют с гуманитариями за пределами Узбекистана или цитируют их только формально, и их работы не интегрированы в более широкий мир. Основные работы по истории (работы Блоха, Броделя) или антропологии (Андерсон, Барт) должны быть переведены на узбекский язык. И нам нужно возрождение знания русского языка. Проблема заключается не только в том, что мы не знаем произведений иностранных авторов, но и они не знают наших. Достаточно взять последние работы об Узбекистане и можно увидеть, что количество цитат научных работ, опубликованных в Узбекистане, ниже минимума.

Авторы пишут о том, что процедуры для разрешения присутствовать на конференциях за рубежом являются слишком сложными и мешают ученым. Указ Президента от 20 апреля содержит призыв к интеграции в мировое пространство, и это требует упрощения процедур для наших ученых для выезда за рубеж (и для иностранных ученых, приезжающих сюда). Например, в ESCAS 2015 в Цюрихе участников из Казахстана было в три раза больше, чем с Узбекистана, и панель по истории государственности в Центральной Азии была представлена только учеными из Казахстана – в то время как это одно из основных направлений исследований в Узбекистане! Аналогичным образом на конференции CESS в Нью-Джерси в 2017 г., участников из Казахстана было семь раз больше, чем из Узбекистана. Это очень важные научные форумы, и участие в них имеет важное значение не только для имиджа узбекских ученых в мире, но и потому, что центр внимания включает в себя и сам Узбекистан. И нужно больше государственной поддержки для участия в таких международных конференциях.

Затем есть раздел о необходимости междисциплинарных знаний, призыв отказаться от цитирования ради цитирования, подразумевая, среди прочего, не всегда приводить цитаты из речей президента. Затем о нестабильности и недостаточности финансирования на основе грантов и так далее.

Комментарий о CESS и ESCAS не является критикой этих организаций -- это далеко не так. Авторы утверждают, что это действительно важные международные форумы, а Узбекистан недостаточно представлен на них. Авторы обращают внимание

правительства Узбекистана, что его внутренние процессы и отсутствие финансирования означают, что узбекские ученые не могут взаимодействовать с миром так, как это могут казахстанские ученые. Они используют контраст, чтобы попытаться изменить процесс получения визы в Узбекистане и финансирования. Я разговаривал с Алимовой об этих изменениях в Бишкеке на CESS, и она действительно думает, что многие вещи сейчас открываются.

Абдуллаев Евгений (кандидат философских наук, главный редактор журнала «Восток свыше») 16 сентября 2017, 23:41 (e-mail сообщение)

Со своей стороны могу предложить продолжить обсуждение на страницах "Востока Свыше" – может, перепечатав, а лучше – расширив статью и, соответственно, отклики. Как на это смотрите?

Улугбек Ниязов (PhD., Vice-President, “New World Connection” Inc., Мемфис, штат Теннесси, США) 27 октября 2017, 7:58 AM (e-mail сообщение)

«Гравитация истории» – интересный феномен, который оказывает влияние на развитие объективных процессов общества. Постановка данной проблемы в публикации, на мой взгляд, является определяющим вектором, указывающим на начало поиска нового формата изучения и популяризации исторической дисциплины в Узбекистане.

Вопросы, которые поднимают авторы статьи, имеют международную актуальность и вписываются в глобальную дискуссию о структуризации отношений ученых в области образования, научного сотрудничества и источников их финансирования.

Сегодня форумы, на которых формируется этот процесс, собирают заинтересованных лиц из числа ученых, политиков, управленцев и финансистов. Я принимал участие в подобной конференции, проводимой Институтом Кенон в Вашингтоне. Все докладчики были озабочены тем как сохранить доставшееся им наследие, оставленное предыдущими поколениями и в то же время, подстроится под задачи современной действительности. На этом форуме затрагивалась тема международного рейтинга учебных

заведений стран, ранее входящих в состав СССР. С гордостью хочу отметить, что в числе лучших была названа школа им. В.А. Успенского, в которой мне посчастливилось учиться в г. Ташкенте.

Как известно, процесс создания общей мировой модели наталкивается на особенности уже существующих систем образования и их специфику на различных континентах. Сторонники каждой из позиций имеют веские аргументы не вносить радикальных изменений и, тем не менее, всегда с энтузиазмом готовы либо поделиться или изучить опыт своих коллег. И, тем не менее, объективная реальность, технический прогресс вносят свои коррективы.

Интернет ускорил многие процессы в развитии нашего общества. Инструментарий коммуникации, процессов обучения, сохранения цифровых копий первоисточников и т.д. позволяет нам отказаться от вчерашних подходов и взглядов на функции учебных и академических Институтов. Перемещаются акценты в приоритетных специализациях и затрат на решение поставленных задач. В этой связи, возникает необходимость найти ответы на целый ряд вопросов: удовлетворяют ли системы образования и академических сообществ потребности сегодняшнего дня? Каковой должна быть программа обучения, какие цели перед собой должны ставить ученые исследователи? Готовы ли их заказчики открывать финансирование на проекты, которые не всегда приносят ожидаемых результатов? Когда и что должно субсидировать государство?

На мой взгляд, проекты Института истории могут стать одной из доходных статей в республиканском бюджете. Его фундаментальные труды и их популяризация могут поднять уровень интереса в целом к стране и к ее различным регионам, увеличить потоки туризма и привлечь интерес исследователей и студентов зарубежных стран. Я, со своей стороны, совместно с моими коллегами из некоммерческой компании "New World Connection", Inc., имея положительный опыт в проведении международных образовательных программ, готовы предложить проекты по популяризации истории и культуры Узбекистана.

Дилором Алимова
Валерий Хан

ГРАВИТАЦИОННАЯ СИЛА ИСТОРИИ
РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ
И ДИСКУССИЯ ВОКРУГ ПРОБЛЕМЫ

Издательство «Навруз».

Лиц. № АІ.170. Адрес: Ташкент, ул. А.Темур - 19.
Разрешено в печать 04.12.2017. Формат 60×84 1/16.

Гарнитура «TimesNewRoman». Офсетная печать.

Усл. печ. л. 4 Заказ № 88. Тираж 100.

Отпечатано в типографии ООО «Munis design group»
100170, г. Ташкент, Дурмон йули -25.